

Наваждение

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Карина Василь

Ссылка на публикацию

НАВАЖДЕНИЕ

Предисловие автора

Данное произведение – целиком выдумка автора, все совпадения с реальными лицами или событиями неслучайны, но и не намеренны. Если это сочинение принесло кому-то неприятности, неудобства, страдания или боль, автор смиренно просит у читателей прощения: подобное вовсе не было целью повествования.

Посвящается Хиту Леджеру, талантливому австралийскому актёру.

Кто-то верит в завтра,

Кто клянёт вчера,

Кто-то строит Рай из грязи,

Кто – из битого стекла.

Свет в конце тоннеля

Каждый видит свой.

Кто-то знает – это поезд,

Кто-то помнит – Дух Святой.

С. Маврин «Кто мы?»

Стою у бурных вод,

Кругом гроза растет,

Хранит моя рука

Горсть зернышек песка

Как мало! Как скользят

Меж пальцев все назад...

И я в слезах, - в слезах:

О боже! как в руках

Сжать золотистый прах?

Пусть будет хоть одно

Зерно сохранено!

Все ль то, что зримо мне

Иль мнится,- сон во сне.

Эдгар А. По «Сон во сне»

Это сон! Боже милостивый – только сон!

Открываю глаза, отдышавшись.

И с улыбкой на мир смотрю – солнечен он,

И ложусь я с тобою обнявшись.

Хорошо, что кошмары бывают во снах,

А не в жизни моей обречённой.

Успокоенный, стойкий, забывший про страх,

Я заснул, лишь тобой сохранённый.

«Гэл (Галахад) Сэджвик – известный канадский актёр. Родился в семье актрисы и бухгалтера в провинциальном городе на юго-востоке Канады. С раннего детства принимал участие в семейных спектаклях. Его мать, Элеонора Сэджвик, видя актёрские задатки сына, с 4 лет стала водить его на кастинги в рекламные и актёрские агентства. Благодаря её настойчивости, Гэл уже в этом возрасте стал лицом фирмы детской одежды, а в 5 лет дебютировал в малобюджетном сериале в роли второго плана сына главного героя. Симпатичного мальчика заметили продюсеры, и в течение двух лет ему предлагались практически однотипные роли в сериалах Канады. Благодаря непосредственности ребёнка и его стремлению не ограничивать себя игрой «мебели», его мать находила ему роли во второстепенных фильмах США, которые прошли практически незаметными для зрителей. Однако послужили хорошей школой для самого Гэла. В 10 лет он получил главную роль в популярном канадском сериале, который с успехом шёл 4,5 года. Однако, войдя в подростковый возраст, Гэл посчитал, что уже «вырос» из ролей маленьких любимцев семьи, семейного проказливого наказания и прочих подобных ролей, которые ему по-прежнему предлагали продюсеры. Вопреки мнению матери, он согласился на роль трудного подростка в фильме молодого и неизвестного канадского режиссёра.

По ходу роли Гэлу пришлось начать курить. Также в фильме его герой употреблял алкоголь и наркотики, сидел в колонии, бродяжничал и дрался с противниками, превосходящими себя. Эту роль он сыграл мастерски, но, к сожалению, сам фильм провалился в прокате, и Гэл был вынужден сниматься в подростковых сериалах, аналогичных американскому «Беверли-Хиллс 90210». После 5 лет работы у него произошёл срыв, закончившийся приглашением американского продюсера на роль в фильме о Гражданской войне. Это была неглавная и проходная роль. Но Гэл сумел придать своему герою такую значимость в этом фильме, что по окончании съёмок ему поступило ещё два предложения на ту же тематику. Однако Гэл выбрал роль романтического героя в фильме начинающего режиссёра. И именно благодаря своей игре сделал его имя знаменитым. Его следующая роль активного гомосексуалиста в провальном фильме известного голливудского режиссёра, единственная заслужила похвалы среди негативных отзывов критиков, начиная с сюжета и кончая декорациями. «Голубое сообщество» единодушно признало его «своим», несмотря на его многочисленные интрижки с актрисами и многократные интервью, в которых он опровергал приписываемую ему нетрадиционную ориентацию. Как будто в насмешку он сыграл циничного бабника, прохладного принятого критикой, но более тепло зрителями. А после роли опустившегося пьяницы, теряющего по этой причине жену и в итоге кончающим с собой, один известный репортёр посоветовал ему лечиться от алкоголизма. Чем вызвал недоумённую реакцию у друзей и знакомых Гэла Сэджвика. Оказалось, молодой актёр не только не пьёт алкоголя, но и бросил курить. Он профессионально занимался спортом, участвовал в конных состязаниях в Канаде и даже имел несколько призов по конкуру. Что в последствии помогло ему без дублёров выполнять трюки на лошадях. Ещё учась в колледже, у него был выбор: посвятить себя спорту и лошадям или актёрству. Развод родителей повлиял на его решение в выборе актёрской карьеры, поскольку на этом настаивала его мать. В последующие годы он брался за разнообразные роли, поставив крест на сериалах. В его активе были и скромные очкарики, и брутальные байкеры, и циничные жестокие пираты, и трусоватые идеалисты, и исторические персонажи разных эпох. Он также согласился на почти эпизодическую роль опустившегося стритрейсера, философствующего и рефлексирующего с бутылкой пива и старой собакой, который помогает главному герою выиграть приз. Хотя роль и предполагалась как малозаметная и незначительная, но сам фильм без героя Гэла Сэджвика уже не воспринимался, настолько органично он был сыгран и насколько талантливо Гэл Сэджвик этого героя вписал в фильм. Одной из последних его ролей была роль безумного учёного из малоизвестного комикса. По сюжету этот учёный был лишь второстепенной фигурой, своеобразным «помощником на подхвате» главного злодея, с которым на протяжении всей серии рисованных книжек

борется главный положительный герой. Но сценаристы слегка поменяли концепцию, а Гэл Сэджвик воплотил её столь необычно, что второсортная невзрачная фигура превратилась в «серого кардинала» и чуть ли не более главного злодея, чем сам главный злодей из комикса. Как говорил в интервью сам Гэл Сэджвик, он не один раз посещал лечебницы для умалишённых, а однажды провёл там четыре дня, чтобы вжиться в роль. Фильм получил оглушительный успех. А сам Гэл был номинирован на «Оскар» как лучший актёр второго плана. Начавшиеся съёмки следующего фильма о фокуснике, умевшим влиять не только на зрителей в цирке, но и на мысли окружающих и возомнивший себя богом настолько, что захотел занять его место, были прерваны внезапной смертью Гэла в номере нью-йоркской гостиницы «Манхэттен» от передозировки лекарственных препаратов. Съёмки фильма было решено прекратить в память о нём. Весь отснятый материал пошёл на документальный фильм о талантливом актёре. Спустя месяц после его смерти, его подруга, Хизер Лавкрафт, с которой он незадолго до этого расстался, попала в больницу по причине нервного срыва. Как объяснял представитель актрисы, женщина тяжело переживала смерть отца своей дочери, поскольку при последнем разговоре с ним они решили воссоединиться и вместе воспитывать Саманту-Энн Сэджвик, которой на тот момент исполнилось пять лет. Однако увидеться лично и воплотить свои планы в жизнь им так и не довелось. Сейчас Хизер Лавкрафт занимается воспитанием дочери и не собирается возвращаться на съёмочную площадку.

В активе Гэла Сэджвика было 8 сериалов, 56 фильмов, где он играл самые разнообразные роли, правдиво вживаясь в образ и создавая из малозначимой роли весьма запоминающееся событие. С его смертью Канада и Голливуд потеряли одного из самых талантливых и ярких актёров за долгое время своего существования».

Ирина оторвала взгляд от компьютера. Выходит, это актёр, это лицо, что преследовало её в последнее время во снах и вмешивалось в мысли, на фильмы с которым она постоянно натыкалась уже некоторое время, мёртв? Когда это наваждение началось, Ирина пересмотрела все фильмы, с его участием, какие смогла найти, чтобы понять, что от неё хочет её подсознание, постоянно подсовывая одного и того же человека? Его приятное лицо с чуть ассиметричными бровями и ироничным изгибом губ вызывало её раздражение: ей никогда не нравились красавчики. Хотя Гэла Сэджвика трудно было назвать голливудским красавчиком во всех смыслах этого слова. Однако его лицо вызывало симпатию и располагало к себе. А, посмотрев его фильмы, Ирина

прониклась признательностью к его таланту: она не считала американское кино чем-то серьёзным, американские киношколы, по её мнению, ничему не учили, а голливудские актёры всегда играли в одном амплуа, даже, если сюжеты и стили фильмов были разнообразны. По мнению Ирины, актёр талантлив тогда, когда сможет правдиво сыграть и Гамлета, и табуретку, и Казанову, и монаха, и Христа, и сатану, и Деточкина, и Рокки Бальбоа, и господа бога, и наркомана. Голливудские актёры таким талантом не обладали. Кого бы ни играли Том Круз или Мел Гибсон, было ясно, что это Том Круз или Мел Гибсон, а не их герои. Кого бы ни играли Джулия Робертс или Сьюзан Сарандон, видно было, что это актриса, а не их героиня. Поэтому Ирина не смотрела американское кино. Она признавала старую, ещё советскую школу. Но и среди советских актёров её преклонения были достойны только Иннокентий Смоктуновский, Олег Меньшиков и Елена Яковлева. Остальные, по её мнению, были просто таланты. Эти же – гении актёрского мастерства. А современных актёров Ирина вообще не брала в расчёт: сериальные, схематичные, однотипные. Они даже не играли, не то, что жили ролью и уж точно не вкладывали в неё душу. Они просто проводили время на съёмочной площадке. Хотя, Евгений Миронов и Павел Деревянко поколебали её такое незыблемое мнение. Но она для себя решила, что это то исключение, которое лишь подтверждает правило. И тут вдруг такое открытие…

Ирина ещё раз посмотрела на фотографию на экране: высокий лоб под кудрявыми русыми волосами, карие смеющиеся глаза под светлыми широкими бровями, короткий нос, чувственные мягкие губы, твёрдый, но вместе с тем аккуратный подбородок – идеальное лицо для любой восторженной фанатки-нимфетки. Но что-то тревожило Ирину. По прочтении статьи с сайта иностранного кино, она поняла: этот живой, радостный молодой человек – мёртв уже несколько лет. И умер он молодым – ему не было тридцати. У Ирины сжалось горло от непонятного чувства: она никогда не была ничьей фанаткой, а уж этого доселе неизвестного ей актёра, тем более, чтобы переживать его смерть как смерть близкого человека. Также она не могла объяснить, почему этот образ навязчиво преследует её уже который месяц. Ирина не была связана с творчеством вообще и с кино в частности. Она работала обычным секретарём в Министерстве Внутренних дел. Слов нет, в юности она зачитывалась и Дюма, и Агатой Кристи, и Жюлем Верном, и Джейн Остин, взахлёб смотрела сериал «Джейн Эйр» с Тимоти Далтоном… Но потом она выросла из всего этого, и разной романтической чуши не было место в её жизни. А уж всякая мистика и чертовщина обходила её стороной. Почему же сейчас этот малоизвестный широкой российской публике актёр так настойчиво стучится в её мысли, даже будучи давно мёртвым? Психолог бы мог ответить, что это сублимация идеального, по мнению Ирины, мужчины ввиду отсутствия такового в личной жизни. Но всё дело было в том, что Ирина не наделяла Гэла Сэджвика

всевозможными добродетелями и не тосковала о нём ночами, рыдая в подушку. Она о нём знать не знала, пока не увидела мельком его фотографию на каком-то сайте, а потом стала натыкаться на информацию о нём и его фильмы постоянно. Причём, если она сама не искала его в сети, её как будто кто-то толкал в спину и под руку то делать. А если она противилась, ей было почему-то тревожно. И пока она не видела его фотографий, она не могла успокоиться. Такая непонятная ситуация была с ней в первый раз. И она не знала, как на это реагировать. В мистику она не верила. Но начала склоняться к тому, что уж слишком переработала на работе, и ей пора в отпуск, отдохнуть от людей, работы, компьютера и мирового психоза с ТВ и новостей.

Однако долгожданный отпуск с поездкой на дачу, где отсутствовал не только интернет, но и телевизор, а мобильная связь брала только с ближайшего холма, не принёс Ирине облегчения. Она почему-то не находила себе места, а небольшой двухэтажный сруб на пять комнат, поставленный ещё родителями, вдруг стал ей тесен, давил и душил, заставляя чуть свет уходить на природу. Но и там она не находила покоя: весёлое лицо с карими глазами и ироничным изгибом губ приходило в её мысли и явно чего-то от неё хотело.

В один из дней в поисках спасения от наваждения она прошла пешком до соседней деревни. И только когда начало смеркаться, она опомнилась и повернула обратно, забежав по дороге в магазин за чаем. Обратный путь почему-то занял у неё больше времени, а резко упавшая ночная тьма заставила её с опаской ускорить шаг. Заблудиться она не боялась: дорога шла почти по прямой через поля, луга и открытые поляны. Однако через полчаса Ирина увидела впереди одинокий приземистый деревенский дом, которого явно здесь не должно было быть. Ирина, хотя и была уверена, что не сворачивала с пути, всё же засомневалась, не заблудилась ли она. Темень вокруг была уже непроглядная: дом в поле не город, неоновых реклам, которые бы освещали всё вокруг, здесь не было, подсветок на карнизах и фонарей тоже. Единственный источник света – это окно в доме, которое слабо освещало только квадрат под стеной на земле. Собрав свою храбрость в кулак, Ирина постучала в дверь. Раздавшийся изнутри возглас она приняла за разрешение войти и осторожно открыла дверь.

- Добрый вечер! – крикнула она. – Я, похоже, заблудилась. Уже темно – вы разрешите у вас заночевать?

Изнутри послышалась возня, уверенные шаги. После секундной тишины дверь в сени раскрылась, и на пороге комнаты, подсвеченная сзади светом, показалась женщина. Весьма обычная на вид, крупная деревенская фигура с копной тёмных волос, в простом платье, она смотрела на Ирину спокойным взглядом тёмных глаз. Разглядеть её лицо не было особой возможности: свет падал сзади из комнаты. Она некоторое время смотрела на Ирину.

- Нет, ты не заблудилась, - произнесла она спокойным проникновенным голосом. – Ты пришла, куда надо.

Ирина изумлённо посмотрела на неё.

- Откуда вы знаете?

- Заходи, поговорим. – Женщина посторонилась, приглашая в избу.

Ирина, поколебавшись, пошла за ней.

Внутри она оглядела женщину: ещё нестарая, довольно высокая, в теле женщина с проникновенным взглядом серых в свете избы спокойных глаз и густыми русыми волосами, показавшимися поначалу тёмными в полумраке сеней. Комната, где Ирина оказалась, была самой обычной, деревенской: слева от входа большая побеленная печь, справа длинный стол с лавками под небольшими окнами, резные полки под занавесками, большой шкаф и несколько табуреток – вот и всё убранство. Дополнял картину огромный сундук справа от двери, на который Ирина сначала не обратила внимания. Женщина пригласила Ирину к столу, где в глиняной миске остывала аппетитно пахнувшая каша. Ирина поблагодарила и села на табуретку с краю стола.

- Это я приготовила для тебя, - сказала женщина. – Садись и поешь.

- Откуда вы знали, что я приду? – снова насторожилась Ирина.

- Мне многое известно, - спокойно сказала женщина, садясь за дальний конец стола.

- Кто вы?

- Раньше меня назвали бы колдуньей, ведьмой, - невесело усмехнулась женщина. – А теперь это зовётся ясновидящая, экстрасенс, парапсихолог или как-то там ещё…

- Ну да. – Ирина решительно встала. – Всё это очень любопытно, но мне пора домой. –Заблудилась она или нет, но ей бы не хотелось всю ночь ожидать ножа в

бок от сумасшедшей хозяйки. – Приятно было поговорить.

Она повернулась, чтобы уйти.

- Гэл Сэджвик, - негромко сказала женщина, не тронувшись с места.

- Что? – Ирина резко повернулась к ней.

- Он преследует тебя несколько месяцев, и ты не знаешь, почему.

- А вы знаете? – с иронией спросила Ирина.

- Я могу помочь тебе разобраться, - ответила женщина, серьёзно глядя на неё.

- Я это и сама могу, - буркнула Ирина.

- Ты от сюда даже дорогу к дому не найдёшь, - спокойно сказала женщина. – Ты уже заблудилась на прямой и знакомой дороге. Чего уж говорить о том, чего ты не знаешь...

Ирина села. Женщина права – она уже заблудилась. А искать дорогу в темноте ночью – неразумно. Она вздохнула.

- А вы правда ясновидящая? – с надеждой спросила она.

- Да. Могу быть, - ответила женщина.

- Тогда, может, ответите мне, как меня угораздило заблудиться так глупо?

- Возможно, для того, чтобы я помогла тебе в другом: узнать, что от тебя нужно давно умершему человеку.

- Мне бы тоже хотелось это знать, - задумчиво сказала Ирина. И, очнувшись, добавила: - Только во всякую мистику и чертовщину я не верю, говорю сразу. Пить отвары и дышать колдовским дымом не собираюсь. Гипнотизировать меня не надо.

Женщина грустно улыбнулась.

- Эти фокусы нужны, чтобы на них зарабатывать. Истинная ведунья не устраивает шоу из своих знаний, - сказала она.

Ирина перевела взгляд на тарелку с кашей.

- В ней ничего такого, - сказала женщина, заметив её взгляд. - Но, если не доверяешь, я могу и сама попробовать. – Она поднялась с лавки.

- К чему? – пожала плечами Ирина. – Если вы знали, что я к вам приду, вполне могли знать, что вам придётся пробовать то, что вы предлагаете мне. И, в свою очередь, принять антидот. А я всё равно ничего не узнаю.

- Как хочешь. – Женщина села.

Ирина посмотрела на тарелку с кашей. Та уже успела немного остыть и пахла уже не так сильно. Но Ирина, ходившая весь день, вдруг почувствовала голод. Она нерешительно встала со своего места и подошла к тарелке.

- Извините, если нагрубила, - сказала она, глядя на женщину. – Ваше предложение ещё в силе? – Она кивнула на тарелку.

- Да, пожалуйста. – Женщина неторопливо встала и из большого кувшина налила в кружку тёмной жидкости. – Это квас. Сама делала.

Ирина приняла кружку, подозрительно принюхалась и сделала глоток.

- Замечательный квас, - улыбнувшись, сказала она и села за стол. – А вы?

Женщина снова неторопливо встала, достала тарелку и из небольшого чугунка, стоявшего на печке, большой деревянной ложкой выложила кашу. Затем, неторопливо подойдя к Ирине, она поменяла тарелки. Затем, столь же невозмутимо села поодаль и начала есть остывшую кашу. Ирина, глядя на неё, принялась за свою.

По прошествии времени Ирина спросила, отставив тарелку:

- Если вы не собираетесь меня мистифицировать, то, как именно хотите помочь разобраться? – Она помолчала. – Или это были только слова?

Женщина помолчала, помешивая ложкой в тарелке с остатками каши.

- Ты не подвержена романтическим увлечениям, - задумчиво сказала она, глядя куда-то поверх головы Ирины. – Тебя не приводят в восторг лощёные красавцы с бритой грудью и полубритыми лицами с загадочным взглядом. Ты не впадаешь в экстаз от голливудских улыбок и отрепетированных манер… - Она снова помолчала и перевела взгляд на Ирину. – Ты трезво мыслишь, однако тоскуешь по романтике… - Ирина протестующее вскинула голову, но женщина мягко подняла руку. – Ты сильна характером, но меня не надо обманывать. Твоя броня крепка, и для окружающих ты можешь казаться холодной ледяной скалой без чувств и эмоций. Но я не все. Я вижу не только внешнее. Могу ошибаться, но ты мечтала о беззаветной романтичной любви, прогулках вдоль берега моря, когда солнце садится в ленивые волны… Читая книги, ты хотела быть на месте их

героев…

Ирина невольно улыбнулась, отложив ложку.

- Вы немного неправы. Такой я была в юности. Но с тех пор я живу реальной жизнью. А в ней нет места мечтам.

Женщина слегка улыбнулась в ответ.

- Ты можешь это отрицать. Но это никуда не делось. Это осталось в тебе. Просто ты не даёшь этому захватить себя: твоя жизнь сейчас такова, что ты не хочешь отвлекаться, боясь показать свою слабость. Возможно, ты права: когда надеешься только на себя, нет сожалений, что тебя предали, которые бессмысленны и отнимают силы и время. Не говоря о том, что вызывают желание мстить… Однако… Закрывая себя ото всех, ты лишаешь свою жизнь не только нехороших людей, но и тех, кто мог бы тебе помочь, доставить радость, поддержать…

- И всё же, - перебила её Ирина. – Мне так спокойнее. И я готова пойти на риск одиночества. Сожаления о несбыточном проходят быстро, как только я оглядываюсь вокруг. Нет, лучше быть одной и временами мечтать и сожалеть, чем влачить жалкую жизнь до конца дней, озлобившись на весь мир и грызя себя за то, что поддалась слабости.

- Возможно, ты права, - спокойно повторила женщина.

Она снова помолчала.

- Может, именно поэтому умерший человек и пытается тебя переубедить, - неожиданно закончила она.

Ирина недоверчиво усмехнулась

- Я не верю в призраков.

Женщина чуть улыбнулась.

- Но это не значит, что нет иной жизни. «Есть многое на свете, друг, Горацио…»

- «…что и не снилось нашим мудрецам», - докончила Ирина. – И всё равно, вы меня не убедили. И ваши разговоры не приблизили меня к пониманию того, почему меня преследует имя человека, которого я знать не знаю.

- Хорошо. – Женщина встала. – Уже поздно. Ты слишком устала и упряма, чтобы просто выслушать про то, что у тебя в глубине души. Поспи. Завтра мы ещё

немного поговорим. И, если я тебе не смогу помочь, то просто провожу к дому.

Ирина недоверчиво посмотрела на неё.

- А не проснусь я завтра в каком-нибудь поле, промёрзшая до костей, в росе, траве и листьях? Или ещё хуже – где-нибудь в Америке на пороге номера этого актёра с какой-нибудь клизмой в руках? Я, конечно, говорю по-английски, но вряд ли я смогла бы объяснить, что я там делаю и как туда попала.

Женщина слегка улыбнулась.

- Ты же в это не веришь.

Ирина вскинула голову.

- Я не фанатик. И то, что я не верю, не означает, что этого не может быть.

Женщина удовлетворённо кивнула.

- Это хорошо. Нам будет, о чём поговорить завтра. Не волнуйся. Утром ты проснёшься там же, где и заснула.

Ирина с сомнением посмотрела на женщину.

- Будем надеяться.

Она встала из-за стола, явно не зная, что делать с грязной посудой. Видя её затруднение, женщина поднялась и шагнула к ней.

- Не беспокойся. Я всё уберу. Пойдём, я провожу тебя к кровати.

Она пошла к двери. Ирина, поколебавшись, пошла за ней.

Женщина привела её в низкую тёмную комнату с маленьким окном. Помимо небольшой кровати туда был втиснут маленький стол, на котором стояла свеча в простом подсвечнике, и стул. В темноте угадывались дверцы шкафа.

- Если будет холодно, в шкафу ещё есть одеяло. Захочешь ночью встать – у дверей стоит пустое ведро. – Женщина махнула рукой.

Ирина оглядела комнату.

- Мы достаточно поговорили, а я так и не знаю, как вас зовут, - сказала она, когда женщина повернулась, чтобы уйти.

- Агата, - сказала она, и окинула Ирину задумчивым взглядом. – Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, - отозвалась та.

Женщина ушла. Ирина не спеша разделась, повесив одежду на стул. Содрогнувшись от прохлады ночи и холодного пола, она юркнула под одеяло. Подрожав ещё несколько минут в прохладной постели, она постепенно согрелась и заснула, в полусне загасив свечу.

Проснулась Ирина в сумраке утра, оглядывая незнакомую обстановку. Окончательно придя в себя, она вспомнила вчерашний день и особенно странный вечер. Она была почти уверена, что проснётся где-то ещё. Но ничего необычного, как всегда, с ней не случилось. Как бы ты не относилась к чудесам, но они случаются с кем-то, где-то, когда-то. Но никогда не с тобой. Усмехнувшись своей наивности, она потянулась к одежде. Решительно, вчерашний разговор заставил её размякнуть и поглупеть. Мало ли, почему её преследует мёртвый актёр? Это ещё не повод превращаться в наивную романтическую дурочку.

Ирина вышла из комнаты. В избе было тихо и неуловимо пахло пирогами. Где-то на улице щебетали птицы. Ирина вышла во двор в поисках туалета. Сделав свои дела, она отправилась искать хозяйку.

Агата в сарае перебирала травы, некоторые перевязывая, чтобы повесить на гвоздь сушиться, некоторые откладывая в строну. Тут же лежал нож, которым она аккуратно срезала цветки и листья.

- Доброе утро, - сказала Ирина. Она с опаской ждала ответа, поскольку не хотела, чтобы её считали городской лентяйкой и соней.

- Доброе утро, - откликнулась Агата. – Хотя, девять часов для меня – это уже разгар дня. – Женщина улыбнулась, не прерывая занятий.

- Извините, - произнесла Ирина. – Видимо, я помешала вашим делам.

- В жизни всё случается, - философски заметила женщина. – А дела? Всех не переделаешь.

Она бросила быстрый взгляд на Ирину.

- Я скоро закончу. Ты пока подожди меня.

- Я могла бы вам помочь.

- Могла бы. Но ты не разбираешься в травах.

Ирина слегка покраснела.

- Не смущайся. Каждый разбирается в чём-то своём.

Ирина некоторое время смотрела за быстрыми уверенными движениями Агаты.

- И всё же, я вам мешаю, - проговорила она. – Своим присутствием.

- Вовсе нет, - произнесла Агата, снова быстро взглянув на неё.

Ирина посмотрела на хозяйку, постояла ещё некоторое время, наблюдая за её подвижными руками, и вышла.

Выйдя на двор, она оглядела потемневшие от времени брёвна приземистой избы, крышу, покрытую листовым железом, сверкавшим на солнце, небольшой двор, деревья и аккуратные грядки, видневшиеся из-за угла. Медленно Ирина пошла к небольшому огороду, разглядывая подстриженные кусты вдоль забора и траву рядом. В небольшом загончике слышалось кудахтание кур. «Что делает в этой глуши, одна, эта женщина? Почему она не поселилась в деревне, с людьми? Может, именно потому и не поселилась, что не все люди могут её понять, но все – бояться? Да и как вообще этот дом оказался на моём пути?» - так думала Ирина, дойдя до калитки. Та вела в лес. Странное место, но может так легче: не надо обходить весь двор, чтобы нарвать в лесу ягод или насобирать шишек для печки. Положив руку на заборчик, Ирина остановилась, глядя на лес. Он был ничуть не густым и совсем не страшным. Однако, вглядываясь в сумрак между деревьями, она чувствовала, как сильно забилось её сердце. Удивившись себе, она потянула за тонкие планки. В лицо почему-то пахнуло влажным прохладным воздухом. Сделав шаг, Ирина как будто провалилась в безвременье вне пространства…

…Толкнув стеклянную дверь, Ирина вышла на шумную улицу. Какофония города ударила по ушам, ошеломив и заставив остановиться. Из ступора её вывела толстая негритянка в джинсах и цветастой футболке без рукавов.

- Чего встала, Белоснежка? – грубо спросила она. – Шевели ходулями.

Ирина отошла от двери, освободив проход. Негритянка вышла, что-то ворча о белых черепахах. Ирина огляделась. Судя по небоскрёбам с английской рекламой, обилию толстяков, постоянно что-то жующих, и невнятной английской речи, она была явно не в Москве или Питере. Пройдя по улице и оглядывая дома,

Ирина предположила, что находится, скорее всего, в Америке: по крайней мере, именно так в голливудских фильмах показывали Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Вашингтон или Майами. Теперь ей осталось выяснить, в каком именно она городе и как, чёрт побери, она тут оказалась.

Поправив сумку на плече, она встряхнулась: откуда у неё сумка? Похлопав по объёмному бежевому потёртому мягкому кожзаму, Ирина заглянула внутрь. Журналистское удостоверение, фотоаппарат с большим объективом, ещё какие-то вещи, аккредитация на пресс-конференцию в каком-то отеле в Бруклине… Ирина ничего не понимала: она репортёр?

Добравшись до какой-то скамейки, она более тщательно стала проглядывать вещи в сумке. Наткнувшись на несколько блокнотов, она внимательно их просмотрела. Её почерком на английском языке были написаны краткие заметки, наблюдения, адреса и телефоны. Вчитавшись, она не заметила, как около неё остановилась встрёпанная женщина, похожая на испанку, в коротком пальто нараспашку.

- Айрин, какого чёрта ты сидишь здесь? – воскликнула она. – Нам надо торопиться!

- Куда? – машинально спросила Ирина, подняв голову. «Айрин? Почему Айрин? И кто это такая, чёрт возьми?».

- Как куда? На пресс-конференцию, конечно! – Женщина ткнула пальцем в одну из бумаг в руках Ирины. – Аккредитация же у тебя в руках!

Ирина опустила взгляд: отель «Плаза», район Бруклин, 4PM. Она перевела взгляд на часы, невесть как оказавшиеся на её руке: половина четвёртого. И, чёрт её возьми, она понятия не имела, где она, почему вдруг репортёр и какая, разрази её гром, пресс-конференция?

Женщина не слишком вежливо подхватила Ирину под руку, стаскивая со скамейки, и чуть не бегом помчалась по улице, размахивая руками, подзывая одно из многочисленных такси. Вскоре с визгом шин жёлтая машина остановилась около них. Запихнув Ирину в него, женщина забралась следом, ощутимо ударив её своим объёмным рюкзачком.

- Слушай, я сегодня плохо соображаю, - начала Ирина. – Куда мы так мчимся? Это что – важная шишка?

Женщина странно посмотрела на неё.

- Ты что перепила вчера? Ты же ушла рано.

- Откуда? – удивилась Ирина. Вчера она была совсем в другом месте с другими людьми.

Взгляд женщины стал тревожным.

- Ты пугаешь меня. – Она внимательно смотрела на Ирину. – Ты хоть помнишь, как тебя зовут?

- Да, - уверенно сказала Ирина. Она знала, кто она. Но она не знала, кем является здесь.

- Ну слава Мадонне! – Женщина облегчённо вздохнула. – А меня?

- Не имею ни малейшего понятия.

Женщина снова встревожилась.

- Я – Кони Ривера, Констанса. – Она осторожно наклонилась к Ирине, прикладывая руку к своей груди. – Мы вместе работаем в журнале «Звёздная жизнь». Я – твой стажёр, ты – репортёр.

Ирина была ошарашена. Вот это поворот! Оказывается, у неё есть жизнь здесь. Она постаралась не показать виду, насколько это всё выбило её из колеи. Бросив взгляд в окно, она испытала очередной шок: бегущая строка на небоскрёбе, помимо рекламы, возвещала о температуре по Фаренгейту, влажности, давлении и дату: март 21 2008 года. Ирина прикрыла глаза. Мало того, что она попала чёрт-те куда за океан, встроилась в чужую жизнь, вмешалась в чужую профессию, о которой ничего не знала, так ещё её угораздило каким-то образом угодить на пять лет назад. Что за чертовщина? Чудеса, конечно, вещь занятная, и в своей пресной жизни Ирине хотелось, чтобы случилось что-то необычное, что бы придало смысл её серой жизни. Но это уже чёрт знает что! Это уже не чудо, а кошмар какой-то. Может, она спит?

Незаметно она ущипнула себя за руку и открыла глаза. Нет, картинка не поменялась. Небоскрёбы за окном продолжали бежать со скоростью такси, в котором они ехали. Она повернулась к женщине.

- Кони, я ничего не пила вчера, - ровным голосом сказала она, встревожено глядевшей на неё женщине. – Видимо, на меня так сильно подействовал вчерашний фильм. – Она сочиняла на ходу, вдохновлено изрекая всякую чушь, лишь бы изгнать обеспокоенность из глаз этой энергичной женщины. Та порывалась пощупать ей лоб и совала в рот горлышко пластиковой бутылки с водой, вынутой из своего рюкзака. – Я поймала какой-то канал, и всю ночь смотрела.

Женщина недоверчиво не сводила с неё глаз.

- Я помню, какая у нас была напряжённая неделя. В придачу, тебя парень бросил, ты с шефом поругалась, постоянные переезды, съёмки… Так какого чёрта тебе понадобилось в экран пялиться? Весь вечер ты строчила статью, пока я отсыпалась. Я думала, ты спать ляжешь, когда я отправилась в бар.

- Не знаю, - честно сказала Ирина. – Видимо, меня не отпустило ещё, и я не могла заснуть.

Кони с сомнением посмотрела на неё.

- Итак, - с энергией, которой не ощущала, произнесла Ирина, повернувшись к ней. – На встречу с какой звездой мы так мчимся?

Женщина вздохнула, видимо, смирившись с причудами своего куратора. Очевидно в этой жизни Айрин была весьма неординарной личностью. Кстати, почему женщина, явно не выпускница колледжа, всего лишь стажёр при ней?

Кони залезла в сумку к Ирине и достала какой-то буклет.

- Сегодня Гэл Сэджвик даёт интервью в бруклинском отеле после возвращения из турне, где представлял свой последний фильм, - произнесла она, тряся буклетом у Ирины перед носом.

Ирину как будто оглушило: Гэл Сэджвик! И вдруг у неё четко заработала мысль: Нью-Йорк, март 2008 года, интервью, последний законченный фильм и – Гэл Сэджвик! Через несколько дней он будет найден мёртвым в номере своего отеля с подозрением на передозировку наркотиками. И поэтому она здесь?

Ирина не могла поверить. А как же временной парадокс? Если она не даст ему умереть – будущее изменится. Ирина запуталась. Она глубоко вздохнула: если не можешь изменить обстоятельства в свою пользу, измени своё к ним отношение. А проблемы надо решать по мере их поступления. Одну проблему она уже решила: выяснила, где она. Теперь осталось понять, почему. А для этого надо выполнить свою работу. Вернее, работу Айрин.

Откинувшись на сиденье, она прикрыла глаза, отмахиваясь от снова встревоженной Кони.

Едва они добрались до гостиницы, Ирина поняла, почему они спешили: отель и улицы перед ним были запружены фургонами, такси и журналистами.

- Почему мы только вдвоём? – спросила Ирина Кони. Та снова встревожено посмотрела на неё.

- Потому что все остальные уже здесь, - спокойно и терпеливо, как душевнобольной сказала Кони Ирине. – Я только за тобой отлучилась – ты опаздывала.

- Значит, уже всё подготовлено, и ждали меня? – Ирина была в ужасе: она ещё ни разу не подводила людей, не спихивала на других свои обязанности и работу.

- Сегодня да. И это многих удивило. Пришлось наврать, что ты вчера в баре перепила и проспала.

Ирина криво улыбнулась.

- И в это поверили?

- А кому какое дело? Сейчас что ни скажи – всё проглотят. Не ты сейчас важна. А потом никто и не вспомнит, если всё пройдёт хорошо.

Ирина, смирившись, махнула рукой, выбираясь из такси.

Протискиваясь мимо снующей и орущей толпы, Ирину подхватил какой-то бородач в очках и потянул за собой.

- Сегодня здесь все так или иначе значимые издания. Твоё дело – не выпендриваться, как ты любишь, не умничать, а тихо себе делать снимки и записывать то, о чём будут спрашивать другие, скромно стоя в сторонке. Понятно? Сегодня ты молчишь и слушаешь. Задавать вопросы будет Кони. У нас маленькое издание. Не надо делать его ещё меньше. Хозяину не нужны твои умствования. Хозяину нужна прибыль.

Он запихнул Ирину к какому-то софиту у окна и, сурово стрельнув по ней глазами, быстро скрылся. Через минуту около неё оказалась запыхавшаяся Кони. Она судорожно рылась в рюкзачке и что-то сбивчиво говорила. Но Ирина не слушала её: её взгляд был прикован к высокому мужчине, появившемуся в дверях. Обаятельное лицо, широкая немного смущённая улыбка, слегка вьющиеся волосы цвета тёмного золота и магнетизм, который собирал вокруг него толпу людей. Ирина медленно навела на него фотоаппарат. Чёрт возьми, Гэл Сэджвик в реальности был ещё более обаятельным и приковывал к себе, чем в интервью и фильмах. Его притягательность подействовала на Ирину и ошеломила даже на таком расстоянии. Приблизив в фокусе его лицо, она увидела морщинки у глаз, лёгкую скорбную складку у губ и усталость во взгляде. Она видела, что подобная суета не доставляет ему удовольствия, она

смущала его, он скрывал неловкость под широкой улыбкой и добродушностью. Что он играет роль перед вспышками фотоаппаратов репортёров, как перед камерой режиссёра. Наверняка ему бы хотелось принять душ и передохнуть одному от толпы, которая преследовала его эти месяцы, когда он разъезжал, представляя свой последний фильм.

Ирина медленно опустила фотоаппарат. В это время её глаза на мгновение встретились с глазами Гэла Сэджвика. Какая-то искра мелькнула в них, но он тут же отвлёкся на очередную поклонницу, вцепившуюся в его рукав. Довольно молодая полная женщина ощупывала и поглаживала его руку, пытаясь заглянуть ему в лицо, и всё повторяла: «Боже мой! Боже мой!». Актёр, улыбаясь, как видела Ирина, усталой улыбкой, что-то говорил ей и окружавшим её людям, похлопывая её по руке. Милый парень, слегка уставший, но такой невероятно притягательный, что невозможно было отпустить его. Он излучал вокруг себя такое тепло и радость, что у Ирины защемило сердце: через несколько дней этот замечательный человек и невероятный актёр будет мёртв. Она нервно сглотнула, слёзы невольно навернулись на её глаза. Но она сдержалась. Гэл Сэджвик снова бросил на неё быстрый взгляд. Через несколько минут люди успокоились, фанаты и любопытствующие отошли в сторону и посыпались вопросы журналистов и вспышки камер и телефонов. Ирина снова поднесла фотоаппарат к глазам, но снова опустила его. Она всем существом впитывала в себя этого человека, подавляя рвущиеся наружу рыдания. Она не слышала вопросов репортёров, не видела вспышек камер. Перед её глазами стоял только он. Только его она видела. И до дрожи в сердце хотела защитить его, предупредить об опасной смеси лекарств. Но что она могла сделать? Она не могла даже подойти к нему, не то, чтобы заставить себя выслушать.

Она не сводила с него глаз, нахмурив брови и мучительно обдумывая, как же ей быть.

Кони, стоявшая рядом с ней с диктофоном в руке и что-то строчившая в своём блокноте, изредка бросала недоумённые взгляды на неё. Наконец, видимо, потеряв терпение, она сунула свои вещи в руки Ирине, выхватила у неё фотоаппарат и начала быстро щёлкать затвором. Через некоторое время она повесила камеру себе на шею и схватила свои вещи.

- Просыпайся, - прошипела она, больно ткнув её под рёбра. – Я за тебя всю работу делать не буду.

- Извини, Кони, я сегодня не в форме, - сдавленным голосом сказала Ирина.

Кони, отвлёкшись от блокнота, подозрительно посмотрела на неё.

- Действительно, ты серая какая-то, дрожишь, лоб в поту. – Она снова протянула ладонь пощупать лоб Ирины. Та не стала ей препятствовать в этот раз. – Температуры нет. – Она убрала руку. – А что за фильм ты вчера смотрела, что у тебя чердак так основательно протёк?

Ирина улыбнулась бледными губами.

- Тебе бы не понравилось.

- А всё же?

- Да одного русского режиссёра…

- О, всё. – Кони подняла руки с блокнотом и ручкой в комической сдаче. – Даже не хочу знать, что именно ты смотрела. – Она помолчала. – Сказала бы сразу, я бы так не дёргалась. – Она снова стрельнула по ней глазами. – Возьми себя в руки.

- Он устал, - шептала Ирина, глядя на актёра. – Он смертельно устал. Почему этого никто не видит?

- Что ты там бормочешь? – Кони сдёрнула с шеи фотоаппарат и сунула его в руки Ирине. – Давай, приходи в себя и работай.

Ирина взяла камеру, не сводя глаз с актёра, и поднесла его к глазам. В этот момент Гэл Сэджвик снова пристально взглянул на неё. Ирина вздрогнула и опустила фотоаппарат. Но актёр уже отвёл взгляд. По щеке Ирины побежала слеза. Она нервно смахнула её. Глубоко вздохнув, она снова поднесла камеру к глазам, подкрутила объектив и медленно щелкнула затвором. Для неё это прозвучало как звук выстрела. Она вздрогнула, из её глаз покатились две слезы. Гэл Сэджвик снова бросил на неё взгляд, как будто за шумом вспышек расслышал её единственный фотоаппарат. Снова какая-то искра мелькнула в его глазах. Ирина смахнула слёзы.

Наконец эта пытка закончилась, репортёры потянулись к выходу, зеваки – снова к актёру. Редкие вспышки телефонов запечатлевали смущённо улыбавшегося актёра в обнимку то с одной полной дамой, то с другой, то с пожилой леди в дурацкой шляпке, то пожимающим руки юнцам в футболках. Кони и вся команда засобирались. Ирина с сожалением смотрела в спину уходящего актёра. Тот удалялся в сопровождении каких-то людей, о чем-то с ними переговариваясь с вымученной, как показалось Ирине, улыбкой. Вдруг он бросил пронзительный

взгляд на Ирину и пропал за поворотом коридора. Ирина устало села на первый попавшийся стул. Кони, направляясь к выходу, обернулась к ней.

- Ты идёшь?

- Да… да… - Ирина поднялась. Без Кони она не найдёт свою гостиницу и свой номер.

Сидя в машине, Кони угрюмо молчала, поджав губы. Ирина была ей благодарна, хотя и чувствовала за собой вину: она ничего не делала, только пялилась, как дура, на того, кого должна была снимать и которого Кони должна была интервьюировать.

По прошествии некоторого времени Кони порывисто повернулась к Ирине.

- Я не знаю, что ты вчера или сегодня принимала, но не ври мне, что ты всю ночь русские фильмы смотрела! Я понимаю, они сами ненормальные, снимают мудрёные фильмы, от которых ум за разум заходит. Но это переходит все границы. Ты ничего не делаешь, молчишь, да ещё ничего не помнишь. Ты явно что-то пила, курила, нюхала или колола. Признавайся, решила начать? – Она схватила руки Ирины и резко задрала рукава лёгкого свитера.

- Да не принимала я ничего! – возмутилась Ирина. Она вырвала бледные руки с зеленоватыми прожилками вен, медленно натянула рукава и попыталась стряхнуть с себя заторможенность и наваждение. Чем бы ни было то, что с ней случилось, надо подумать, как это пережить. Рассказывать кому-либо, что ты Ирина из Москвы 2013 года – форменное самоубийство: закроют в какой-нибудь психушке. А она так и не поймёт, что с ней случилось.

Кони удовлетворённо посмотрела на неё.

- Узнаю Айрин. – Она помолчала, откинувшись на сидение и глядя перед собой. – На сегодня я тебя прощаю, - произнесла она. – Но если ты меня ещё раз подставишь, клянусь, тебе недолго останется работать в нашем журнале. – Она повернулась к Ирине. Глаза её были полны холодной ярости. – Никогда не смей со мной так поступать, - холодно добавила она и отвернулась.

Повисло тягостное молчание.

- А почему ты в нашем журнале всего лишь мой стажёр? – спросила Ирина, спустя время.

- Это такие своеобразные общественные работы, - поморщилась Кони.

- За что? – усмехнулась Ирина.

- За то, что разгромила лабораторию, где на обезьянах тестировали лекарства. Я тебе говорила.

- Да, верно, - соврала Ирина.

Она отвернулась к окну. Интересно, Кони сотрудничает с «Гринписом»? Или это её собственное желание – борьба одиночки против системы? Доказывать американке, что «Гринпис» - это проплаченная организация, действующая против того, на кого ей укажут, а вовсе не заботящаяся о природе и экологии, Ирина посчитала глупым делом. Сама Кони её первая сплавит туда, куда Ирина не стремилась.

Едва зайдя в номер, она разыскала в сумке ноутбук. Наверняка в интернете есть её статьи. Может, даже упоминание о её жизни. Она должна знать, кто она такая здесь, в этом месте, в этой жизни.

Углубившись в ноутбук, Ирина с удивлением обнаружила кучу статей в файловых папках. Решив отложить прочтение на потом, она подключилась к интернету, отмахиваясь от Кони и её предложений перекусить, спуститься выпить или просто пройтись. Наконец, добившись очередного «Иди, я позже спущусь», Кони выкрикнув испанское ругательство, выскочила из номера. Ирина с минуту наслаждалась блаженной тишиной, а потом снова накинулась на компьютер.

Про журнал с пафосным названием «Звёздная жизнь» она узнала мало, про себя – ещё меньше. Маленький журнальчик, купленный каким-то южно-американским «бизнесменом» для своей скучающей любовницы, чтобы через него «отмывать» какую-то часть своих капиталов, заработанных на торговле наркотиков, ориентировался на довольно молодую аудиторию. Статьи были более эмоциональными, чем содержательными, а фотографий было больше, чем текста. Хотя репортёров этого журнала и не заклеймили папарацци, ввиду того, что этот журнал был мало кому известен. Но, глядя на снимки, Ирина невольно подумала о скандальных фотографиях леди Ди и Доди аль-Файеда: весьма был похож стиль съёмок из укрытия с явным намерением подловить что-нибудь из ряда вон выходящее. Ирина порадовалась, что нет ни одного снимка мало-мальски известной звезды на унитазе в домашней или общественной уборной. На сайте в архиве журнала она стала пролистывать статьи. Однако об авторах не было сказано ни слова. Зато пару-тройку раз она натыкалась на имя Айрин

Таф. Статьи были осмысленными, грустными и явно не вписывались в стиль журнала. Покопавшись в документах в сумке, она забила в поисковике имя, указанное на водительских правах: Айрин Поплар. Несколько ссылок дали ей мало информации, но большой простор для фантазии. Смирившись, что она так и не узнает, кто она в этом времени и в этой жизни, Ирина уже хотела закрыть ноутбук. Но вдруг ей пришла в голову мысль, и она забила в поисковик свои русские данные. Радуясь, что её фамилия была не слишком распространённой, она углубилась в ссылки.

За этим делом её застала Кони, когда в начале второго ночи откуда-то вернулась, внеся с собой аромат перегара и сигар. Попытавшись что-то сказать Ирине неворочающимся языком, она махнула рукой и упала на кровать. Вскоре она заснула пьяным сном. Ирина рассеянно посмотрела на неё, продолжая свои изыскания.

К пяти часам утра она сдалась. Русской Ирины в этом параллельном мире не было. Зато была Айрин Поплар, писавшая под псевдонимом Айрин Таф – тоже весьма мутная и непонятная личность. Единственное, что было совершенно ясно, она мастерски владела пером: прочитав статьи в папках, Ирина была твёрдо убеждена, что так сама никогда не напишет. И тем более было странно, что такой талантливый журналист так мало публиковалась.

Ирина потянулась и взглянула на часы. Начало шестого. Спать не хотелось, пить – тоже. Она пошарила вокруг себя и натянула куртку. Оглядевшись на сопевшую Кони, она тихонько вышла. Внимательно оглядев дверь номера, где они располагались, Ирина медленно спустилась по лестнице. Постаравшись запомнить отель, она вышла на улицу. Прохлада, сумрак, редкие прохожие, далёкие звуки сирен полицейских машин – всё, как в голливудском кино. Стараясь запомнить маршрут, Ирина пошла вдоль по дороге, не сворачивая. Через некоторое время она вышла к какому-то парку. Побродив по дорожкам, она решила сесть отдохнуть на пригорке, с которого открывался призрачный вид на огни города внизу и воду, переходившую в небо, впереди. Заворожённая зрелищем, которого ещё никогда в жизни не видела, Ирина чуть не наткнулась на мужчину, сидевшего тёмным пятном на том же пригорке. Положив сцепленные руки на колени, он невидящим взглядом смотрел на мерцающую воду и тёмное небо над ней. Невольно выругавшись по-русски, она тут же стала извиняться перед застывшим мужчиной. Тот медленно повернул к ней лицо, и Ирина резко прервала свои извинения. Гэл Сэджвик. С минуту она смотрела на его задумчивое лицо, а потом сказала, злясь на себя:

- Простите, что помешала. У вас сегодня был трудный день.

Она повернулась, чтобы уйти, пытаясь унять тоску в сердце: ведь она знала, что он скоро умрёт, но изменить ничего не могла.

- Подождите, - вдруг окликнул её мягкий голос. Низкий, волнующий, чувственный, он мог бы свести с ума любую женщину, заставив пасть к ногам его обладателя. Но Ирина не чувствовала влечения, не такого. Ей было невыносимо больно. Она хотела вернуться в свою жизнь, только бы не быть рядом с ним сейчас, осознавая, что скоро, совсем скоро его не будет.

Дай родиться вновь

Из воды и света, Жить, не зная тайн, Завтрашнего дня... У иных миров Не просить ответа, Дай родиться вновь, Отпусти меня! Знаний груз - тяжкий крест, Я развеял в пустоте: Было незачем рождаться В грозовой ночи...[1]

Эта песня пришла ей в голову еще там, на интервью, когда ей на глаза наворачивались слёзы от осознания близкой смерти этого человека.

Ирина повернулась. Мужчина снова смотрел вперёд, как будто забыв о ней.

- Ведь это вы были в «Паласе» сегодня, - вдруг сказал он.

Ирина нервно сглотнула.

- Там сегодня было много людей, - уклончиво ответила она.

- Но только одна вы не хотели меня снимать. Только вы не задавали мне вопросов, даже не подошли ко мне. И потом, я видел ваши слёзы, когда вы смотрели на меня. Почему?

Слишком сложный вопрос. И ещё более трудно ответить на него человеку, ставшему уже почти американцем – слишком разный менталитет и отношение к жизни, разное мышление и ценности. Ирина медленно подошла и села рядом на холодную траву. «Через несколько дней вы умрёте» - обрушивать это на и без того усталого человека она не могла и не хотела. Но и как сказать ему непростую правду она не знала. Как и не знала, нужно ли это делать вообще.

- Знаете, когда я заметил вас там, в «Паласе», мне показалось, что я где-то уже видел вас, - задумчиво сказал Гэл Сэджвик, не глядя на неё. Ему было неловко, хотя Ирина бы не сказала, почему именно. – Я всё пытался вспомнить, но не могу…

Ну прямо «Дом у озера»! Неужели в этой жизни Айрин уже брала интервью у него? Этого ещё не хватало! Ирина вздрогнула.

- Вы просто устали, - сказала она, борясь с желанием провести рукой по его волосам. – И наверняка скучаете по дочери…

- Откуда вы знаете? – Он резко повернул к ней лицо. В сумраке утра трудно было разглядеть его выражение. Но тон, которым был задан вопрос, был напряжённым.

- Я вижу, - просто сказала Ирина.

- Значит я плохой актёр, - грустно произнёс он, и снова повернул лицо к медленно светлевшему небу.

- Вы гениальный актёр! – воскликнула Ирина. Она упала перед ним на колени, схватив за руки и заглядывая в лицо. Он отшатнулся – его смущение было так явно, что Ирина почувствовала угрызения совести: зачем она приводит в смятение этого талантливого актёра, который почему-то неуверен в себе, несмотря на всю свою гениальность и признание. – Я не являюсь вашей фанаткой или глупой курицей, томящейся от вожделения по красивым мужчинам. Мои критерии гениальности среди актёров столь суровы, что меня за это даже знакомые ненавидят. Не говоря о незнакомых. Да и о вас я узнала меньше года назад. – Ирина говорила правду. Она понятия не имела о жизни Айрин, но сейчас она пыталась хоть как-то утешить этого грустного и сомневающегося в себе мужчину. – Вы столь востребованы именно в силу своей гениальности. Вы можете сыграть всё! А это дано единицам. Не просто не всем, а именно единицам! Не смейте говорить, что вы плохой актёр! Вы гений! – Она встряхнула его тонкие нервные пальцы с выступающими косточками. Он медленно опустил на них глаза, как будто её поведение не произвело на него впечатления.

Устыдившись своей вспышки, она быстро отпустила его руки и снова села рядом.

- Простите, - произнесла она, злясь на себя.

- Боюсь, одна роль мне никогда не удастся, - через минуту сказал он. – Роль отца.

Ирина не знала, что на это ответить. Она ничего не знала о его личной жизни и почему он расстался с матерью своей дочери. Только ту скупую и далеко не всегда правдивую информацию, что имелась в сети.

Вдруг он повернул к ней лицо, в полумраке блеснула улыбка, от которой ёкнуло её сердце и зашлось в сладкой истоме, в уголках его глаз собрались морщинки.

- Так почему, всё же, вы не подошли ко мне?

Сила обаяния этого человека была так велика, что Ирина невольно улыбнулась в ответ. Тугой узел где-то в глубине души немного ослаб.

- Потому, что вы устали и нуждались в отдыхе, - просто сказала она.

- Знали бы вы, как сильно я хочу отдохнуть! – сказал он, подняв лицо к бледнеющим звёздам. – Но я не могу подвести людей, - добавил он, опустив голову.

Ирина подавила вздох.

- Попросите отдых, - наполовину попросила, наполовину предложила Ирина, напряжённо ожидая ответа. – Вы имеете на это право.

- Не могу. Не сейчас. Позже, может быть. – Он смотрел вперёд.

- Позже может не быть времени, - дрогнувшим голосом сказала Ирина.

Гэл Сэджвик внимательно посмотрел на неё.

- Кто вы? – спросил он.

- Никто, - сказала Ирина, поднимаясь. – В вашей жизни я совершенно ничего не представляю. Об одном вас прошу: не увлекайтесь таблетками. Смесь обезболивающих с транквилизаторами может быть неоднозначно воспринята окружающими. Спекуляций на ваш счёт может быть много. – Она повернулась, чтобы уйти.

- Зачем вы мне это говорите? – спросил он, поднимаясь. – Кто вы?

- Я человек, который всей душой хочет, чтобы вы жили. Чтобы вы снимались. Но я не господь бог, и не могу изменить того, что будет.

Склонив голову к плечу, он внимательно смотрел на неё. Она была гораздо ниже его, и, чтобы разговаривать с ним, ей пришлось бы постоянно задирать голову. Она видела недоумение, недоверчивость и подозрительность в его взгляде. Ясное дело, в прагматичном мире Нью-Йорка нет места порывам души и метаниям разума русской натуры. Даже американская мистика проста и понятна. Страшна – да, загадочна – временами, но ничего парадоксального и таинственного, философского или духовного в ней не было. А тут… Ну как объяснить здравомыслящему человеку, твёрдо стоящему на ногах, то, что сама не понимаешь?

- Вы странный репортёр, - сказал Гэл Сэджвик, глядя в её лицо. – Вы ничего не спрашиваете, постоянно хотите уйти, а когда спрашивают вас – ошеломляете

загадочными ответами. Вы правы, я действительно устал. – Он провёл рукой по глазам. – Устал настолько, что не могу спать. Снотворные…

- Нет! – воскликнула Ирина, снова схватив его за руки. – Прошу вас, не надо!

- Почему? – он с опаской отстранился от неё. Она обречённо опустила руки. – Что вам известно?

Ирина закрыла лицо руками и отвернулась. Несколько раз глубоко вздохнув, она повернулась к нему и, махнув рукой на траву, медленно села. Он, поколебавшись, сел вслед за ней. Разведя колени в стороны и положив на них локти, Ирина, глядя на мерцающую воду и светлеющее небо, монотонным голосом начала:

- Если вы хотите, вы можете сразу вызвать психиатричку, но я вам скажу всё, что знаю. Я ничего не понимаю, но моя история началась, когда я просмотрела анонс вашего последнего фильма, с которым вы ездили по стране…

Не глядя на него, Ирина рассказала ему всё: про Москву, 2013 год, её одержимость им, её попытки забыть, странную женщину в доме посреди поля и леса, её необычное путешествие через время и пространство. Она говорила простые вещи, но удивлялась сама, насколько убедительно звучат её невероятные слова. Не о том, что она из 2013 года, а о том, как она до безумия хочет, чтобы он жил. Несколько раз по её щекам стекали слёзы. Но она не обращала на них внимания, продолжая свой тихий рассказ. Она не требовала верить ей. Она вообще на него не смотрела, боясь разрыдаться. Она лишь мучительно хотела его защитить, оградить от спекуляций на его смерти, от очернения завистников, досужих сплетников и болтунов. Если бы это было в её власти, она бы закрыла его своим телом и душой от всех невзгод и грязи мира, лишь бы он продолжал играть. И она была в отчаянии, что не может сделать это. Возможно, он даже не поверил ей…

Когда она закончила, повисла тягостная тишина. Опустив голову к рукам, свешенным между коленями, Ирина сглатывала слёзы, радуясь, что бледный сумрак скрывает их.

- Вау! – тихо сказал Гэл Сэджвик.

Сердце Ирины упало: он не поверил ей. Да и кто бы поверил?

- Простите. – Ирина поднялась. – Это звучит фантастично и глупо. Не надо было вам этого рассказывать.

- Нет, это очень интересно, - ответил Гэл Сэджвик. Он поудобнее уселся на траве, свободно расставив ноги. Подобная поза была на фотографии, которую Ирина видела в интернете дома, в Москве. – Так вы русская? Никогда не встречал ни одного русского. – Он с лукавой улыбкой посмотрел на неё, склонив голову к плечу. Такая фотография тоже была в сети, и от его взгляда на неё у Ирины каждый раз щемило сердце. - В фильмах вас изображают какими-то безликими и вообще придурками. А те, кто с вами общался, говорят, что вы непонятные. У вас странное чувство юмора. И вы беспокоитесь о вещах, на которые другие не обратили бы внимания. Красота ваших женщин известна, так же, как и непонятное пристрастие самим готовить еду. Достоевским восхищается весь мир, а я его не понимаю – мрачный, нудный и заумный чувак, который на пустом месте из обычного убийства развил целую философию. – Ирина улыбнулась. Она сама терпеть не могла Достоевского. И слова иностранцев о том, что они им восхищаются, всегда её бесили – как можно восхищаться таким автором? Как можно понимать его иностранцу, если сами русские его не понимают? – У вас богатая культура, но вы странные люди. – Он посмотрел на неё, склонив голову к плечу со своей потрясающей улыбкой. – Разговор с вами навёл меня на мысль. Теперь я знаю, как сыграть следующую роль.

Ирина потрясённо смотрела на него. Сложнейшая роль фокусника Руле в фильме, в котором он не успел досняться, но которую начал воплощать столь необычно и талантливо – это её заслуга? Она не могла поверить.

- Вы странный человек, - произнесла она, медленно опустившись на колени. Она села на пятки, сложив руки и глядя в его оживлённое лицо. – Я рада, что смогла помочь. – Она помолчала, устраиваясь на траве. Упорно глядя в землю, она произнесла: - И всё же, вам нужен отдых. Побудьте с дочерью. Помиритесь с Хизер Лавкрафт… - Перехватив его быстрый взгляд, она поспешно добавила: - Я не знаю, почему вы расстались – это ваше дело. Но вашу смерть она будет тяжело переживать, даже в больницу попадёт. – Она помолчала. – Она любит вас.

Гэл Сэджвик поднял голову к серому небу. Глядя на его необычный профиль, Ирина снова ощутила щемящую тоску. Её рука дёрнулась провести по его щеке, волосам, но она устыдилась этого порыва.

- Хизер… - задумчиво сказал Гэл Сэджвик. – Она верила в меня. Но очень хотела сниматься сама. Она любит Саманту, но и сниматься тоже любит. Тем более, что у неё всегда были какие-то дурацкие роли, которые мог бы сыграть любой человек с улицы. А она – серьёзная актриса. Она играла Шекспира в театре… Как вы думаете, - не поворачивая головы, спросил он. – смог бы я сыграть Гамлета?

Короля Лира? Макбета?

Ирина внимательно посмотрела на него.

- Ведь Петруччо у вас вышел неплохо. – Она намекала на подростковую комедию, которая прошла не замеченной большинством зрителей. Видимо потому, что снималась в Канаде, а не в Голливуде. – И Бенедикт бы у вас неплохо вышел. А трагедии?.. – Она посерьёзнела. – Если бы меня спросил кто другой, я бы не знала, что ответить. Вам скажу: вы бы смогли. И эти роли были бы лучшими. Я даже скажу, что ваш Яго был бы открытием для любителей и знатоков Шекспира. – Она помолчала, грустно улыбнувшись. – А я могла бы сравнить вашего Гамлета с Гамлетом Иннокентия Смоктуновского.

- Кого? – Гэл Сэджвик, казалось, не понял. Он и не знал, что есть такой актёр. Он попытался повторить его имя, но сбился, усмехнувшись. – Никогда не слышал.

- Это актёр старой советской школы. Ныне умер. Для меня он и ещё и два-три человека являются мерилом актёрского гения. Не думала, что и вас включу в это число… - Она на секунду замолчала. – Впрочем, моя градация – моё мнение. А оно ничего не значит.

- И всё же, вы меня заинтересовали. – Гэл Сэджвик встал. Ирина поднялась за ним. – У вас есть ручка? Напишите мне его имя. Я хочу посмотреть в интернете.

Ирина похлопала по карманам. Ни ручки, ни телефона, чтобы передать смску. У Гэла Сэджвика телефона с собой тоже не было.

- Тогда вы пойдёте со мной, - со своей потрясающей улыбкой сказал он. – У вас странная манера вести разговор. А мне стало вдруг интересно, с чего вдруг вы меня включили в число избранных. По вашей собственной градации. Вы правы, она действительно неважна. Но я хотел бы знать.

Ирина в ужасе отшатнулась и стала энергично отнекиваться. Но он взял её под руку и решительным шагом направился из парка на выход.

- Даже не думайте вырываться, - говорил он на ходу. – Во-первых, я сильнее. Во-вторых, это смешно выглядит. А в-третьих, мне правда интересно.

Ирина сдалась. Почувствовав это, Гэл Сэджвик выпустил её руку, и она без труда подстроилась под его широкий шаг.

По дороге он болтал о пустяках, иногда энергично размахивая руками в оформление своего повествования. Со стороны могло показаться, что это пара друзей, задушевно беседующих друг с другом. Ирина поражалась: ей всегда было трудно первой заводить разговор, поддерживать дружбу. Она всегда стеснялась своей ранимости и чувствительности, порывистости и непосредственности. Но с ним ей было легко, как будто действительно они были сто лет знакомы. Когда он смотрел ей в глаза, мир словно переставал существовать. Был только он и эти его потрясающие глаза. Какой-то гипноз. Ирина считала, что она не подвержена влиянию: сколько раз с ней пытались проделывать подобные трюки. Но это… Что-то нереальное, необычное и пугающее своей новизной. Однако напряжение куда-то уходило, стоило ему только прикоснуться к ней. Даже случайно, во время разговора. Удивляло отношение его самого к ней: неужели, становясь американцем, каждого незнакомца начинаешь воспринимать так – как ближайшего друга? Ирина не могла поверить. Как не могла поверить, что с ней, вот так, запросто, разговаривает Гэл Сэджвик. И не только её любимый актёр – звезда непревзойдённого для американцев мастерства актёра. Иногда она пощипывала себя, чтобы понять, что это не сон.

Выйдя из парка, Ирина, как будто так и надо, последовала за ним, на мгновение обеспокоившись, как она найдёт дорогу к своему отелю. Но тут же она махнула рукой: в крайнем случае, спросит.

Подойдя к небольшому отелю, Ирина вздрогнула: это был не «Палас», где проходила пресс-конференция. Это был роковой «Манхэттен», где его через несколько дней найдут мёртвым. Сам Гэл Сэджвик, подходя к отелю, как будто преобразился: его действия стали уверенными, энергичными, глаза лучились весельем, улыбка не покидала губ. Ирина не узнавала в этом сгустке энергии того усталого и неуверенного мужчину, с которым столкнулась в парке.

Поскольку было раннее утро, людей у отеля было немного. Однако, едва он вошёл, толстая женщина в огромных очках при виде него запрыгала, как огромный мяч, вопя, как иерихонская труба «О мой бог! О мой бог!». Она прыгала и трясла руками, как будто через неё пропустили ток. В первый момент от неожиданности Гэл Сэджвик остановился, как будто наткнулся на стеклянную стену. Но мгновенно нашёлся, и в комическом испуге, смеясь, схватился рукой за грудь, громко объясняя тут же собравшимся зевакам, что экспрессивная поклонница, чуть не довела его до приступа своими восторгами. Отшучиваясь, он добрался до беснующейся толстухи и, схватив её одной рукой за массивные плечи, приник к её губам. Продолжительный поцелуй под вспышки камер телефонов прекратил конвульсии женщины. Ошалело глядя на него, она

вдруг, всей тушей шлёпнулась к его ногам в обмороке. От неожиданности все застыли. Ирина бросилась было привести её в чувство, расталкивая остолбеневших зевак, но Гэл Сэджвик уже подавал той руку. Поизвивавшись на полу в стремлении поднять свои центнеры, женщина уцепилась за него и, заливаясь слезами, уткнулась ему в грудь, чем до невозможности смутила его. Порыдав некоторое время на его груди, она, наконец, отлепилась, шмыгая носом. Гэл Сэджвик всё это время, мужественно улыбаясь, пытался делать вид, что ничего необычного не происходит. Ирина поражалась его способности шутить в подобной ситуации и не выглядеть при этом нелепо. Так, забавный случай – с кем не бывает?

Отделавшись от толстухи, он как ни в чём ни бывало потащил Ирину к бару, продолжая прерванный разговор. Слегка ошеломлённая Ирина не сразу уловила суть и пару раз ляпнула что-то невпопад. Гэл Сэджвик оглянулся на неё, озорно сверкнув глазами, и понимающе улыбнулся. Ажиотаж вокруг них стал спадать, и они нашли место у стойки. Себе он заказал кофе, вопросительно глядя на Ирину, пытавшуюся, упорядочить мысли в голове.

- А давайте позавтракаем? – вдруг спросил он, получив свою чашку кофе.

Ирина, уже пришедшая в себя, вежливо отказалась.

- Но ведь должен же я отблагодарить вас?

- За что? – непритворно удивилась Ирина.

- Наш разговор дал мне столько идей. А ещё вы обещали мне имя того русского актёра. – Он снова улыбнулся своей потрясающей улыбкой. Ирина улыбнулась в ответ.

Попросив у официанта ручку, она написала имя и название фильмов на салфетке. Подумав, она присовокупила имя Олега Меньшикова и его фильмы «Покровские ворота» и «Капитан Фракасс». Застенчиво подавая салфетку, она впервые за всё это своё фантастическое приключение подумала, что, может быть, всё изменится. Может, он не умрёт через несколько дней. Актёр сложил салфетку. Ирина уже собралась уходить.

- Ты теперь своих шлюх по утрам кофе поишь? – вдруг раздался свистящий шёпот.

Ирина резко обернулась: нависнув над плечом Гэла Сэджвика, потрясающе красивая женщина сверкала яростью в глазах. Её светлые волосы крупными кудрями обрамляли бледное лицо с тёмными бровями и поразительно светлыми

глазами. Её губы призывно блестели, алея помадой. Услышав её голос, Гэл Сэджвик слегка помрачнел.

- Синтия… - устало произнёс он.

Ирина заметила, каких усилий стоило ему сохранить свою весёлость, как он жутко смутился её грубости и как ранило его её замечание. Странно, почему бы? Она не знала Хизер Лавкрафт. Но если он бросил её ради этой белобрысой вампирши… Ирина оглядела фигуру девушки: большая грудь, покатые плечи, узкая талия, плоский живот и потрясающие ноги. Есть от чего мужчине сойти с ума. Ирина вдруг почувствовала разочарование: её гениальный актёр оказался всего лишь обычным похотливым мужчиной. Она посмотрела на него. Он ответил взглядом, в котором что-то мелькнуло.

- Во-первых, я не шлюха, - холодно сказала Ирина, бесстрастно глядя в почти белые пугающие глаза женщины. – Во-вторых, кофе не пила и никто меня не поил. А в-третьих, прощайте, Гэл Сэджвик, - сказала она, обращаясь к актёру. Поправив куртку, она спокойно направилась к выходу.

- Зря ты так, - с досадой сказал Гэл Сэджвик, обращаясь к Синтии. Он слез со стула, оставив недопитую чашку кофе, и поспешил за Ириной.

А её душил гнев, слёзы и злоба на себя. Какого чёрта, зачем и почему с ней случается то, что случается? Имя Синтии Уэнрайт мелькало в связи со смертью Гэла Сэджвика: она была его последней любовницей. Но о ней почему-то подозрительно мало информации. Даже фотографий толком в сети не было. Только какие-то размытые, со спины или в невнятный профиль. В одной статье промелькнуло, что она тоже актриса, и что Гэл Сэджвик познакомился с ней, ещё пребывая в отношениях с Хизер Лавкрафт. После двухмесячного романа с Синтией он расстался с Хизер. Теперь Ирина могла понять почему: размеренная спокойная семенная жизнь стала тяготить его самого и мать его ребёнка. У него был выход: уехать в турне и завязать роман. Видимо, Хизер не простила, и они расстались. А невозможность видеть ребёнка так часто, как он хочет, плюс роль, высосавшая у него все силы, видимо, и привели его в то состояние, в котором заметила его Ирина. И от сюда барбитураты и снотворное. Глупые американцы, помешанные на психоаналитиках и фармакологии. Ему всего-навсего нужен отдых и доброжелательная атмосфера.

Всё это пронеслось в голове Ирины, пока она шла к выходу. Едва она взялась за ручку стеклянной двери, как её остановил Гэл Сэджвик.

- Вы не обиделись? Синтия очень импульсивна. У неё что в голове, то и на языке.

Ирина повернулась к нему. Морщинки у глаз выдавали его веселье, но сами глаза были усталыми и тревожными. Неуверенностью веяло от его позы. Видимо, ему было действительно важно, что Ирина не обиделась. Это её удивило.

- Нет, я не из обидчивых, - проговорила Ирина. – И могу ответить, если понадобится. – Она через его плечо посмотрела на девушку, которая, взгромоздившись на оставленный им стул, что-то эмоционально говорила в телефон. – Послушайте. – Она посмотрела на него. – Попросите себе отдых. Побудьте с дочерью и Хизер. Это вам нужно. Просто необходимо.

Она хотела было положить свою ладонь на его руку, но снова удержалась.

- У вас мало времени, - произнесла она. Сердце её обливалось кровью, когда она заметила, что он быстро обернулся к Синтии. – Проведите его с пользой.

Она ещё раз взглянула на неё. Тревога шевельнулась в её душе. Не она ли повинна в его смерти? Посмотрев на Гэла Сэджвика, она увидела, что он задумчиво смотрит туда же. Тихонько вздохнув, она незаметно шмыгнула в дверь, которую открывал с другой стороны пожилой толстяк. Когда Гэл Сэджвик обернулся, он увидел лишь закрывавшуюся за ней дверь.

А Ирина, глотая слёзы, быстро шла по улице, даже не пытаясь сориентироваться, где она.

Проплутав пару часов, она вышла к заливу и уставилась на огромную и нелепую статую Свободы на острове. Глядя на эту бесформенную глыбу, которой только слегка придали вид женщины в тоге, Ирина с раздражением подумала: у американцев нет ничего своего. Они берут чужое, перерабатывают под себя и выдают за своё. Кто вспомнит, что это чудовище – символ Французской революции? Только те, кто помнят, что Троянская война – это не рефлексирующий Бред Питт, а Белоснежка – это не предводительница разбойников на ходулях.

Ирина подняла мрачный взгляд на монументальную даму, и ей показалось, что та иронично усмехнулась.

Некоторое время Ирина сидела на траве и смотрела на воду. Она снова и снова пыталась понять, как сюда попала и зачем. Вспыхнувшая надежда, что ей удастся отсрочить его смерть, угасла, как только она увидела Синтию. Несомненно, Гэл Сэджвик к ней привязан. Хотя Ирина не могла понять почему. Не потрясающая же фигура и не мастерство в постели удерживают его около

неё. Ирина не хотела в это верить. Она видела его глаза. Он не может быть обычным примитивным самцом. Только не он. И всё же…

Почувствовав голод, Ирина вернулась на улицу. У передвижного лотка она купила нечто, напоминающее буррито: не будучи в Мексике, Ирина понятия не имела, ни как оно выглядит, ни каково на вкус. Здесь её нашла вездесущая Кони. Заметив Ирину со свёртком, она вытаращила глаза и разразилась восклицаниями и ругательствами на испанском вперемешку с английскими.

- Ты с ума сошла? – наконец разобрала Ирина.

- Я есть хочу, - жуя, буркнула Ирина, отодвигая свой буррито от Кони, которая, размахивая руками, вполне могла выбить его из рук.

- Ты же вегетарианка! – возопила Кони.

Ирина замерла с недожёванным куском во рту. Что за глупость?

- А пошло оно всё, - махнула она рукой и, прихватив закрытый стакан с колой, направилась к лавочке. Чего-чего, а этого добра в Нью-Йорке было достаточно. Кони застыла, раскрыв рот.

Устроившись, Ирина спокойно закончила нехитрую трапезу, которую про себя назвала завтраком. Вытерев руки салфеткой, она посмотрела на Кони. Та, устроившись с ней рядом, угрюмо следила за её действиями.

- А дальше что? Шуба из меха? Кожаные сапоги? Бифштекс с кровью? Может, ещё на Уолл-стрит пойдёшь работать?

«Какого чёрта она мне указывает, как мне жить? – недовольно подумала Ирина. – Какое ей дело до того, что я делаю?». Но она взяла себя в руки.

- Спасать мир можно по-разному, - ответила она. – Можно отказываться есть мясо и громко кричать «Нет войне!» с плакатами перед Капитолием. А можно взрывать склады с боеприпасами, чтобы нечем было эти войны вести, и сажать террористов, чтобы некому было дурацкие идеи другим в головы вбивать.

Она помолчала.

- Благопристойное поведение и громкие слова хороши. Но этого мало. Если бы пассажиры в самолёте не стали действовать, одиннадцатого сентября и Пентагона бы не было. – Она снова помолчала. – Хотя, может так было бы лучше, - пробормотала она про себя.

Кони пристально посмотрела на неё.

- Со вчерашнего дня я тебя не узнаю, - сказала она. – Что, всё-таки, случилось?

- Ничего, - ответила Ирина, вставая. – Кроме того, что я чокнулась.

- Ну, ты всегда была с приветом, - произнесла Кони. – И я уже привыкла к твоим странностям. Но теперь ты ударяешься в другую крайность. И я хочу знать почему.

Ирина поморщилась. С какой стати она вообще обязана отчитываться перед этой женщиной?

- Я не могу тебе объяснить, - устало произнесла Ирина. – Я сама ничего не понимаю.

Кони поднялась и обняла Ирину. Любимый американский жест, который она считала совершенно неуместным. Однако терпеливо дала себя обнять.

Подержав некоторое время Ирину в объятиях, Кони отстранилась.

- Ты просто устала. Тебе надо отдохнуть.

Ирина улыбнулась. Именно это она говорила Гэлу Сэджвику.

- Вот закончим тут – обязательно, - бодро сказала она. – А пока я поработаю.

Кони удивлённо посмотрела на неё. Покопавшись в карманах, Ирина пересчитала оставшуюся наличность и махнула рукой, подзывая такси. Когда она назвала их отель, Кони закатила глаза.

- Чокнулась ты или нет, но одно осталось при тебе – ты неисправимый трудоголик.

В номере Ирина прихватила ноутбук Айрин и направилась к парку.

Проглядывая статьи, Ирина удивлялась интересам женщины, писавшей их. Много правильных слов, хорошо оформленных идей. Даже выводы были логичны. И всё же… Всё же, слова – ветер. И к чему бы ни призывала Айрин, в Америке это никого не трогало.

Читая статьи о разных знаменитостях, Ирина улыбалась едкости замечаний и наблюдательности. Очень мало людей Айрин одаривала хорошим словом. Выискивая недостатки и лишь слегка их преувеличив, она создавала весьма интересную сатиру. Вдохновившись прочтением, Ирина решила написать о Гэле

Сэджвике. В конце концов, это её работа здесь.

Едва начав, слова потекли сами собой. Конечно, она не критиковала его, не смогла принудить себя выразить хоть какое-то неудовольствие им или его игрой. Зато досталось всем: и репортёрам, и зевакам, и той толстухе в очках, что закатила истерику в «Манхэттене». Вскользь она упомянула Синтию и её «выдающиеся» формы. Закончила она бодрым убеждением в успехах в его дальнейшей творческой карьере. Чего на самом деле не чувствовала. Покопавшись в адресах, она отослала статью редактору, попутно заметив два письма от него. Поколебавшись – всё же, они были адресованы не ей, а Айрин – она их открыла. В одном редактор весьма ехидно спрашивал, как долго ему ждать результатов её туристического отдыха, в другом неприкрыто хамил. Ирина не обратила на письма никакого внимания, спокойно удалив их в корзину.

Вернувшись в номер, она была подхвачена Кони и потащена на очередное мероприятие: какой-то новоявленный писатель раздавал автографы в книжном магазине. Ирина под одобрительный взгляд Кони щёлкала фотоаппаратом, задавала вопросы и строчила в блокноте, поражаясь самой себе. Потом был ночной клуб в центре города, куда пробивалась различная заносчивая молодёжь. Ирина ловко щёлкала затвором, выхватывая известные лица в комических ситуациях. Пару раз ей и Кони приходилось уносить ноги от многочисленной охраны. Но Кони всегда знала, в какую дыру юркнуть, чтобы их не поймали.

Вообще нынешний день очень отличался от обычной рутиной работы Ирины. Адреналин бурлил, настроение повышалось. А, если учесть, что прошлую ночь она не спала, то заснула мёртвым сном в номере, едва, усталая, упала на кровать, даже не раздеваясь.

Кони, тоже утомлённая днём, с удовлетворением разглядывала спокойное лицо Ирины.

- С возвращением, - произнесла она, и отправилась в бар…

…Когда Ирина ушла, Гэл Сэджвик вернулся к стойке, за которой, нервно постукивая, длинными пальцами, сидела Синтия Уэнрайт. Как только он подошёл, она, вцепившись в его руку, произнесла, заглядывая в его лицо:

- Кто это такая, чёрт возьми?

- Никто, - ответил актёр и внутренне улыбнулся: именно так та женщина ответила на его подобный вопрос. – Репортёр. Она брала у меня интервью.

Синтия хмыкнула.

- Вы больше были похожи на пару голубков. Я вам не помешала? – ехидно добавила она.

Гэл Сэджвик слегка поморщился.

- Нет, не помешала. Хотя временами ты невыносима.

Девушка спрыгнула со стула. Её подбородок задрожал.

- Это ты невыносим со своими шлюхами! – воскликнула она, и слёзы потекли из её глаз.

Гэл Сэджвик вздохнул. Только Синтия умела плакать красиво. Рыдания не уродовали её лицо, а сами глаза походили на снежные льдинки посреди озера. Её лицо не опухало от слёз, а становилось трогательно-беззащитным. И актёр, которого уже стали утомлять перепады настроения этой девушки, её требовательность, эгоизм и желание подчинить его и владеть им, однако не мог устоять против её неприкрытой беззащитности и слабости. Он знал, как она ревнует его к Хизер, к славе и, особенно, к дочери, по которой он действительно сильно скучал. Он в самом деле очень хотел поехать к ней через месяц, когда закончится турне, будет перерыв в съёмках и вся эта шумиха пойдёт на убыль. К ней и Хизер. Он хотел наладить с ней отношения. И слова той русской не были тому причиной. Он просто всё ещё любил Хизер Лавкрафт. Однако он не знал, что делать с Синтией. Она только год назад перестала нюхать кокс, и была очень уязвима и нестабильна. Её перепады настроения отчасти были связаны с нарушенной наркотиками психикой. Когда он сообщил ей, что едет в турне, она хотела увязаться за ним. Но ей совсем нечего было делать рядом, когда он не только разъезжал с места на место, рекламируя фильм, но и мотался обратно на съёмки нового. И устроители отказали ей. Она впала в истерику и попыталась выброситься из окна. Тогда ему удалось её остановить. Но всё оставшееся до отъезда время она изводила его упрёками, скандалами, слезами и истериками. А они тогда только несколько месяцев как начали встречаться, а он сам недавно пережил тяжёлый разрыв с Хизер. Ему нужно было уехать и развеяться от всего пережитого, уйти с головой в работу. И Синтия могла бы с пониманием отнестись к его чувствам. Но он, запрятав свою боль глубоко, как мог, сам утешал заходящуюся в крике и слезах женщину, жалея её. Однако сегодня что-то изменилось. Он вдруг посмотрел в эти почти белые заплаканные глаза в обрамлении влажных чёрных ресниц и не увидел в них ничего, кроме холодного

расчёта. И тут ему пришло в голову, что люди не могут плакать красиво от отчаяния. Отчаяние – это боль. Она искажает лицо. Сколько раз он сам репетировал перед зеркалом, запершись в сыром и тёмном подвале на месяц, чтобы отточить характер своего героя? В прессе он рассказывал только о четырёх дней в одной психушке. Если бы он рассказал правду, что не только в психушке четыре дня провёл, но и заперся в подвале своего дома на месяц, его бы никто не понял. И так его слова о четырёх днях в доме для умалишённых были неоднозначно восприняты публикой. Он погрузился в его личность настолько, что это пугало его самого. И вот глазами его героя, его порождения он взглянул на стоявшую перед ним девушку: бесспорно, красива, умела, возможно, в чём-то талантлива, но невозможно холодна и расчётлива. Её зависимость была данью скуке богатой избалованной дочери биржевого магната, которая сама не знала, что ей нужно в жизни. И лечение она затеяла лишь для того, чтобы создать вокруг себя шумиху и быть в центре внимания. Когда хотела, она могла прикинуться ласковой кошечкой, могла наговорить банальных нежных и добрых слов, за которыми ничего не стоит. Могла и посочувствовать. На словах. Но никогда он не чувствовал от неё той любви, что дарила ему Хизер. Да, она тоже была эгоистична. Ко всему прочему вспыльчива и взбалмошна. Но она была добра. В ней не было расчётливости. Она могла обидеться, если он забывал о дне их первой встречи, или надуться, если он не принёс ей кофе в постель. Но она всегда знала, когда ему надо размять плечи, оставить одного, чтобы он поработал над ролью, или легкомысленной болтовнёй отвлечь от мрачных мыслей. Когда он заканчивал съёмки своего последнего фильма, ему не хватало именно его подружки. Хотя Синтия всегда была рядом, постоянно упрекая его, что он оставляет её одну, он не чувствовал, что она к нему добра или хоть немного сопереживает в его работе. Тогда, поглощённый ролью, он не задумывался над этим. Его выматывали съёмки и выяснения отношений с ней. Но теперь, после слов той странной русской он захотел съездить к Саманте и Хизер как можно быстрее. Съёмки последнего фильма могут немного подождать. Роль, хотя и не так изматывающа, как предыдущая, но тоже требует напряжения душевных сил. А он на пределе: турне, ради которого он прервал съёмки нового фильма, сами съёмки, на которые он сбегал с этого пресловутого турне, где толком ничего не делал, кроме как развлекал окружающих своим присутствием и остроумными комментариями к дурацким вопросам журналистов, истерики Синтии довели его до бессонницы. Врач прописал ему лекарства. Но та русская почему-то так остро реагировала, когда он только упомянул о снотворных. Его поразило, что совершенно посторонний человек, да ещё репортёр так обеспокоена его жизнью. Как она сказала? «Я хочу, чтобы вы жили, чтобы вы снимались. Но я не господь бог, и не могу изменить того, что будет». Странное выражение. Что она хотела этим сказать? А

ещё что значит, что «позже может не быть времени»? Хотя, он и не поверил в её фантастическую историю, но она так трогательно беспокоилась и переживала за него. Она – незнакомый человек. А Синтия…

Недослушав очередные её жалобы, он слез со стула и направился к выходу. Поражённая таким отношением, девушка застыла, открыв рот. Недоговорённый упрёк остался висеть в воздухе, а она сама мрачно смотрела, как он садится на мотоцикл. Что ж, она заставит его заплатить за пренебрежение.

А Гэл Сэджвик, ощутив прилив энергии, помчался по улицам, распугивая прохожих. Сегодня он хотел побыть один.

Когда Ирина проснулась, солнце уже заглядывало в окно. Умывшись, она спустилась вниз, прихватив с собой ноутбук. Кони отсыпалась после очередной попойки.

Заглянув в почту, к своему удивлению Ирина заметила новое письмо редактора. Тот вернул ей статью о Гэле Сэджвике с наказом как следует её переделать. Журналу нужна «клубничка», а её пассаж с поцелуем – просто детский лепет. Надо сделать упор на то, что актёр имеет склонность к очкастым толстухам, что не прочь устраивать шоу на людях, а также Ирина должна намекнуть, что ему может нравиться секс, когда за ним подглядывают и прочие гадости. Ирина поморщилась. Она не собиралась следовать столь мерзким указаниям. А наугад отослала статью в другие издания. Будь что будет.

Наскоро перекусив, она стала приводить в порядок то, что наснимала и насочиняла вчера. Разглядывая фотографии, она с удивлением отметила, что они получились весьма неплохими. И это у неё, у которой фотоаппарат в руках был, как у козы баян в копытах. Основательно поработав, она снова отослала редактору результаты своих трудов, попутно забросив их в другие издания. После чего с изумлением обнаружила, что уже четыре часа дня. Странно, но никто не обратил внимания на то, что она пользовалась розеткой в холле. И это в Америке, где каждый чих стоил денег. И помощи юристов. Убедившись, что батарея заряжена полностью и прихватив ноутбук, она направилась в сторону парка, где вчера встретила Гэла Сэджвика, перекусив по дороге очередной сосиской в тесте с кетчупом. Выбрав место, с которого просматривался город внизу, залив впереди и небо, она открыла ноутбук…

- И вы здесь? – услышала она низкий тёплый голос.

Подняв голову, она увидела обаятельную и немного смущённую улыбку Гэла Сэджвика. Невольно улыбнувшись в ответ, она сказала:

- Я очень рада вас видеть.

Искренность, сквозившая в её ответе, неподдельная радость на лице и волна спокойствия, умиротворения и тепла, исходившие от неё, удивили его. Постояв, он неторопливо сел рядом, явно испытывая неловкость.

- Я посмотрел пару фильмов, что вы написали, - немного смущаясь, начал он. – Признаться, ничего не понял. Всё-таки мы с вами очень разные. Но то, что вы сказали об актёрской игре, думаю, уловил.

Ирина молча забила в поисковик название фильма и, не торопясь, стала переводить, делая паузы, чтобы дать осмыслить и пояснить виденное. Гэл Сэджвик молчал, слегка нахмурив брови.

Когда фильм окончился, он откинулся на спину, заложив руки за голову.

- Только сейчас я понял, что на самом деле значит «система Станиславского», с которой все носятся. – Он смотрел в небо на пробегавшие редкие облака.

- Хотите ещё? – спросила Ирина.

Он, помолчав, выпрямился, серьёзно глядя на неё.

- Давайте.

Она ставила фильм за фильмом, объясняя и поясняя. Когда заканчивалась батарея на её ноутбуке, пошарив в своей потёртой сумке, Ирина нашла запасной аккумулятор. Такие ещё не продавались в Москве, но в Америке уже были. Внутренне улыбнувшись, она подсоединила его и продолжала изыскания и поиски. А во время поисков рассказывала то, что знала об актёрах: как зимой снимали лето, и один получил на съёмках воспаление лёгких; как неправильно подпиленная доска стала причиной трещины кости актрисы, но та доиграла дубль так, что никто ничего не заметил, хотя боль была жуткая. О том, как умирали на сцене актёры от разорванных сосудов, но доигрывали спектакли. И какие страсти кипели однажды на съёмочной площадке, что перепуганная массовка вызывала милицию, всерьёз поверив в эмоции актёров и видя небутафорскую кровь, синяки и ссадины. Она рассказывала о талантах советских актёров, когда вскользь брошенная придуманная фраза входила в поговорку, а насквозь сымпровизированная картина, от которой многого не

ждали, произвела оглушительный успех и разбиралась на цитаты. Ирина была в своей стихии: она с воодушевлением рассказывала о своих любимых фильмах, актёрах, стране. Забывавшись, она переходила на русский. Однако, видя недоумение на лице актёра, спохватывалась и снова говорила по-английски. Её порозовевшее лицо и сверкающие глаза делали её красавицей. Гэл Сэджвик периодически бросал на неё насмешливые взгляды, посмеиваясь над её энтузиазмом. Не замечая времени, Ирина заменила севший аккумулятор на новый, даже не задумавшись, сколько их ещё в её сумке, вернее, сумке Айрин находится.

Наконец Ирина очнулась: вокруг стояла темнота, премежаемая огнями фонарей внизу – уже явно наступила ночь. Глянув на часы на ноутбуке, она ужаснулась: далеко за полночь.

- Почему вы меня не остановили? – простонала она.

- Вы так захватывающе рассказывали, - смущённо ответил Гэл Сэджвик. Однако в глазах его Ирина заметила веселье.

Она внимательно посмотрела на него, убирая ноутбук в сумку.

- Не надо ехидничать – вы же не выспитесь.

Его это удивило: посторонняя женщина озабочена тем, что он не выспится, а его любимая женщина Синтия плевать на него хотела. Его бессонница только мешала ей. Именно из-за неё он подсел на снотворные, которые со временем перестали помогать.

- Ничего страшного, - явно испытывая неловкость, сказал он. – Со снотворными высплюсь.

Его фраза снова произвела неожиданный эффект: Ирина бросила свою сумку и схватила его за руки, заглядывая в лицо:

- Не надо! – воскликнула она. – Я вас прошу! Это вам не нужно! – Её крик, казалось, шёл из самой глубине души. – Вам нужен обычный отдых среди людей, которые вас любят! Вам не нужна химия!

Она резко отпустила его и отошла, потирая лоб.

- Почему вы, американцы, не любите ничего натурального, первозданного? Почему заменяете всё искусственным? Одноразовые тарелки, секс вместо любви, таблетки и психоаналитики вместо общения и понимания – почему? Вы называете русских странными. Но это вы странные! Зачем вам суррогат?

Искусственные чувства, искусственные эмоции – они не затрагивают душу! И вы же сами спрашиваете – откуда депрессия? Да всё от сюда! «Не давай душе лениться!» - это сказал русский. «Деньги – душа общества» - сказал американец. И вы – вы же чувствуете! Вы играете так, как не играет ни один голливудский ремесленник! Вам дан дар, которого нет у американских актёров. Я знаю, - добавила Ирина, видя его движение. – Вы просидели месяц в сыром и тёмном подвале, когда готовились к своей последней роли. Зачем бы вам это было надо, если бы вы не хотели понять своего героя, влезть в его мысли, почувствовать его суть? А сейчас? Вы прервали съёмки из-за турне и беседуете в парке со странной русской о советском кино, смотрите старые советские фильмы – зачем? Да всё по той же причине: характер вашего героя завёл вас в тупик. – Ирина помолчала. – Я уже говорила вам: снотворные и барбитураты погубят вас. Вам не это нужно. – Она внимательно на него посмотрела. – Да вы и сами знаете.

Гэл Сэджвик растерялся от подобной проницательности: он ведь тоже думал поехать к Хизер и Саманте.

- Я не американец, - выдавил он из себя. – А Синтия…

- Подумаете о ней тогда, когда будет время, - отрезала Ирина. – Сейчас вам надо думать о себе.

Она подняла сумку, уложила, наконец, ноутбук и снова взглянула на Гэла Сэджвика.

- Вы есть хотите? – совершенно другим тоном спросила она.

Он широко улыбнулся, вызвав её ответную улыбку.

- Ещё бы. Я думал, вы никогда не спросите.

Он повёл её в темноту улиц, освещаемых неяркими фонарями, фарами машин и рекламными вывесками. О чём они болтали по дороге, Ирина бы не смогла сказать: лёгкий ничего не значащий разговор двух хороших знакомых. Ирина удивлялась: она так непосредственно общается с мужчиной, и этот мужчина не делает никаких поползновений и пошлых намёков. Это обескураживало, она не знала, как реагировать. С одной стороны, она была бы не против, если бы в ней видели женщину. Но с другой стороны, её вполне устраивало, что женщину он в ней он не видит. Она просто не привыкла к такому отношению, и это вселяло неуверенность и нервировало. В конце концов, она решила, что слишком много думает, и выбросила все мысли из головы.

Однако, отдавшись разговору, Ирина не забывала смотреть по сторонам. Уже то, что они не взяли такси, удивило её. И на свой вопрос она получила легкомысленный ответ о том, что ему хотелось пройтись и показать ей город. Ирина удивилась в очередной раз. А когда они подошли к метромосту, вокруг которого кишели вывески на русском языке, Ирина вообще перестала что-то понимать: помня фотографии из интернета, она сообразила, что они подошли к Брайтон-бич. Ирина подняла глаза на лукаво улыбавшегося Гэла Сэджвика.

- Ну что, сумел я вас удивить?

- Да, - растерянно сказала Ирина. – Более чем. А зачем вам это надо?

- Я хотел посмотреть на русских в своём окружении. Да и вас хотелось увидеть там же. – Он снова улыбнулся. Ирина улыбнулась в ответ. Всё-таки потрясающее обаяние этого человека неотразимо действовало на неё.

Они медленно шли вдоль ярко освещённых улиц, и Ирина наслаждалась русской речью окружающих. Еврейский и украинский говор не резали ей слух. Она уже забыла, что они хотели поужинать, пока аппетитные запахи не заставили сжаться её желудок. Толкнув дверь, увешанную рекламой и обещанием свежайшей домашней кухни, они оказались в типичной столовке советских времён. Гэл Сэджвик удивлённо смотрел по сторонам. И теперь Ирине пришлось быть его гидом и переводчиком, поскольку хоть некоторые посетители и говорили на английском, половины их фраз он не понимал.

Русская кухня и особенно квас, который Гэл Сэджвик взял по совету Ирины, произвели на него странное впечатление: ничего подобного он не пробовал. Она была другая. О «понравилось» или нет тут речи не шло – она была для него необычной. Больше его удивила атмосфера: казалось, все были друг с другом знакомы. Один столик переговаривался с другим, в уголке кто-то ненавязчиво перебирал струны гитары. Здесь не было чопорности, но не было и лицемерного радушия американцев, которые, произнося дежурную фразу «как твои дела?», этими делами не интересуются вовсе. Здесь двое совершенно незнакомых мужчин сочувственно слушали пьяные жалобы третьего. После чего дружно «уговорили» бутылку и вышли почти друзьями, перебрасываясь пьяными шутками. Гэл Сэджвик смотрел на всё это широко открытыми глазами. Это напоминало о душевности итальянцев, только без их экспрессии и эмоциональности. Толстенький плешивый бородач галантно попросил у них лишний стул. А, получив разрешение, от всей души пожелал здоровья, чем вызвал неподдельное изумление Гэла Сэджвика. Ирина лишь улыбнулась. Румяная официантка подходила несколько раз узнать, не нужно ли им что-то ещё и как им понравилась еда. Ирина искренне отвечала благодарностью, а

официантка заливисто смеялась, когда Ирина пошутила над молчанием своего спутника.

- Такому красавчику не нужно говорить, - подмигнув, обратилась она к актёру. – Ради вашей улыбки я готова вам принести блинчиков с икрой за свой счёт.

Гэл Сэджвик неуверенно улыбнулся, гадая, правильно ли понял слова официантки. Но когда перед ним была поставлена дымящаяся тарелка с блинами и призывно сверкавшими зёрнами красной икры, а следом маленький запотевший графинчик с водкой, он перестал что-либо понимать.

- Попробуйте, - улыбнулась Ирина. – Это от чистого сердца.

- И во сколько обойдётся мне это чистосердечие? – буркнул он, отправляя блин в рот.

Графинчик опустел не намного, поскольку Ирина не любила водку, а Гэл Сэджвик ограничился парой рюмок. И окончательно его покорил счёт: ни блины, ни икра, ни водка не были включены. Он этого не понимал: в мире, где всё покупается и продаётся, где даже доброта и бескорыстие имеют свою цену, подобное отношение было ему внове. Он выходил из подобного места под впечатлением.

Предавшись своим мыслям, он совсем забыл об Ирине и шёл, не видя куда. Настроение его поднялось, мрачные мысли, что посещали его в турне и на съёмках его нового фильма, развеялись. Он был спокоен и благодушен.

Вдруг Ирина остановила его около ничем не примечательного строения. Единственно, что выделяло его среди окружавших зданий, так это несколько мотоциклов. Но остановилась Ирина не поэтому. Изнутри неслась знакомая музыка, и голос солиста группы, которую она любила, пел песню, которая ей нравилась:

Он посмел возмутить

В нас, бескрылых, желанье летать!

Нет такой высоты,

Что бескрылых могла удержать…

Если жив будет Моцарт –

Он лишит нас не только наград!

Быть забытым не бойся,

Обеспечит бессмертие яд![2]

Ирина слушала заворожённая. Гэл Сэджвик не понимал слов, но тоже проникся тревожной и мощной музыкой. Так они и стояли, слушая потрясающий голос Валерия Кипелова, как будто это было в центре Москвы, а не в узкой улочке Брайтон-бич Нью-Йорка. Соло на гитаре привело актёра в восторг своей виртуозностью. Ирина улыбнулась, глядя на него. Он ещё не слышал «Две грозы» группы «Виконт» - там соло на ударных своей виртуозностью могло поспорить с соло на бас-гитаре этой песни.

Дождавшись, когда стихнет последний аккорд, Ирина предложила войти. Гэл Сэджвик удивился: Хизер презирала подобные заведения, а Синтию они приводили в ужас. Но, поколебавшись, он вошёл за Ириной.

Помещение, как и ожидалось, было полутёмным с облачками сигаретного дыма. Посетители были, как один, в чёрном, кто с татуировками, кто без, кто в кожаных куртках, кто в трикотажных футболках, кто с бородами. Но большинство с длинными волосами. Невозмутимо Ирина проследовала к стойке и легко заказала пиво. Гэл Сэджвик отказался.

- Правильно, - кивнула Ирина. – Не стоит понижать градус.

Актёр удивлённо поднял брови, но не стал развивать эту тему. Он оглядывал этот бар, и не переставал удивляться. Вроде бы все байкерские бары похожи друг на друга: пиво, сигареты, бильярд, карты, дартс… Но что-то неуловимое было в этом русском баре. Не язык, к которому он уже начал привыкать, не тяжёлая музыка, которая, казалось, нравилась Ирине, что-то другое. То неуловимое единение, которое он наблюдал в этом квартале, когда только вошёл в него, та незаметная доброта и ненавязчивая душевность, та смущённая грубоватость, которые были присущи Ирине. Он не понимал её, этих людей. Но они ему нравились. Впервые после бешеных съёмок последнего фильма и турне и изматывающих съёмок фильма нового, он был, если не счастлив, то весьма близок к этому.

- О чём была та песня? – спросил он, наклонившись к Ирине, пытаясь перекричать гул в баре.

Ирина, пригубив пиво, задумалась. Затем напевно перевела ему слова замечательной песни. Гэл Сэджвик наморщил лоб.

- И ваши певцы поют об этом?

Ирина кивнула.

- И ещё о многом другом. Смею вас уверить, что «Калинка-малинка» не единственная песня в нашей культуре. А эта группа поёт о Вавилоне, гладиаторах, сатане, Христе, короле Артуре, блокаде Ленинграда, битве за крепость Осовец… - Она увлеклась и совсем забыла, что некоторые песни ещё не были написаны. Не в этом времени. – Наши рокеры не создают шум из плохо настроенных гитар и дурных голосов, не орут во всю мочь своих лёгких набор слов без смысла. Они поют о смерти и смысле жизни, о любви, о счастье и боли, обо всём.

Негромко она стала напевать:

Древний град Иерусалим

Довлеет над тобой, Понтий Пилат.

Ты готов сорваться в Рим,

Махнуть на всё рукой, забрав с собой солдат.

Ты устал от этих лиц,

От чужой, неискренней земли.

Боль тупая бьёт в висок,

Дню мучений выпал срок.

Кровь за кровь!

В том воля не людей, а богов.

Смерть за смерть!

Ты должен не молчать, а терпеть.

Здесь твой ад!

Ты знаешь – нет дороги назад.

Пей свой яд!

Пей, прокуратор, Понтий Пилат![3]

Чем дальше Ирина пела, тем тише становилось в баре, пока она не закончила в совершеннейшей тишине. Оглядев окружавшие её лица, она негромко начала:

Я вижу, как закат стёкла оконные плавит,

День прожит, а ночь оставит тени снов в углах.

Мне не вернуть назад серую птицу печали,

Всё в прошлом, так быстро тают замки в облаках…[4]

Почувствовав движение, Ирина прервала пение. Послышался гитарный перебор, и она продолжила негромко петь под аккомпанемент невидимого исполнителя. Когда песня закончилась, она попросила гитару и в полный голос запела «Атаку мертвецов», чем заслужила робкие аплодисменты. Оглядев ошеломлённые лица, она запела «Непокорённый». Это было более понятно потомкам эмигрантов. Гэл Сэджвик смотрел на воодушевлённые лица вокруг и не понимал, почему вдруг этих людей настолько проняли события, о которых он толком не знал, и город, о котором едва слышал.

Когда Ирина закончила, аплодисменты были гораздо более оглушительны. А Ирина, лукаво улыбнувшись, начала «Гимн «Спартака». Прервав песню на середине, она прижала струны гитары рукой.

- Прошу прощения, я не знаю, за кого болеют присутствующие. – Она оглядела лица вокруг себя.

Рёв из многих глоток оглушил Гэла Сэджвика. Но, глядя на безмятежное лицо Ирины, он успокоился. А Ирина попросила поставить «Антихриста», чем заслужила очередной рёв нескольких окружавших её. Пузатый байкер с бородой и в бандане поставил перед ней кружку с пивом.

- От всей души спасибо, - проникновенно сказал он, положив руку себе на грудь. – Пей и спой нам ещё что-то новое. Уважь нас. Слушать записи – это одно. А услышать вживую что-то новое – совсем другое.

Ирина охотно выполнила его просьбу, сыграв «Две грозы» и «Вольную птицу». Не будучи виртуозом, она не стала стремиться подражать музыкантам. Впечатлённые мужчины, то слушали её, открыв рот, то подпевали ей. В перерывах Ирина переводила недоумевающему актёру слова песен. Гэл Сэджвик ничего не понимал: караоке было в любом баре. Но ни в одном исполнение не брало за душу всех присутствовавших. «Город, стоящий у солнца» настроил его

на меланхоличный лад, а быстрые «Фантом» и «Волки» заставили его очнуться: игру слов из песни «Фантом» Ирине пришлось ему объяснять, потому что перевод ни о чём ему не говорил, кроме как о трагедии техасского лётчика. Поняв иронию, он улыбнулся чувству юмора русских. Напевное «Косово поле» пел весь бар, легонько раскачиваясь из стороны в сторону в такт припеву. Лиричная музыка и красивый язык очаровали его.

Уходили они из бара засветло. Ирина устала и хотела спать, а Гэл Сэджвик был полон энергии, новых мыслей и впечатлений. Он хотел удивить эту странную русскую, а оказалось, она удивила его в его же собственном городе. Русская душа действительно загадочна. Даже, становясь американцами, русские остаются русскими. Даже в Нью-Йорке есть кусочек России – непонятной и манящей, душевной и необузданной, мудрой и в чём-то наивной. Однако он дал себе слово хотя бы немного понять её, и решил по возвращении в номер заглянуть в интернет. Чтобы узнать что-нибудь о городе Ленинград и крепости Осовец.

В такси Ирина задремала и проснулась только у своего отеля. Прощаясь, она внимательно посмотрела на актёра:

- Несомненно, вы захотите залезть в интернет сейчас, - сказала она. Он вздрогнул от её проницательности. – Прошу вас, вам нужно выспаться. А интернет от вас никуда не денется.

- Боюсь, я не смогу заснуть, - сказал он, извиняющимся тоном.

- Сможете, - уверенно ответила Ирина. – Сегодня сможете.

Она положила руку на его локоть и слегка пожала.

- У вас всё будет хорошо, - сказала она.

- Обещаете? – он смущённо улыбнулся.

- Я надеюсь, - проникновенно сказала Ирина и пошла ко входу в отель.

Гэл Сэджвик смотрел в её удаляющуюся спину. Затем, встряхнувшись, сел обратно в такси и поехал к себе. Синтии в номере не было, что его порадовало, и он мгновенно заснул, едва коснувшись головой подушки. В голове ещё успела мелькнуть удивлённая мысль, откуда Ирина могла это знать. Крепкий здоровый сон овладел им, и он не услышал, как вернувшаяся Синтия пыталась устроиться с ним рядом.

Проснулась Ирина достаточно поздно. Схватив ноутбук, она быстро спустилась вниз и расположилась в углу за столиком ближайшего летнего кафе с чашкой чая и нехитрым завтраком. Задумавшись на минуту, она застучала по клавишам, прихлёбывая из чашки. Это была не статья, не очерк. А, скорее, собственные наблюдения, которые просились быть запечатлёнными.

За этим столом её нашла Кони. Бесцеремонно усевшись рядом, она понаблюдала пару минут за мелькавшими пальцами Ирины.

- О Гэле Сэджвике пишешь? – вдруг спросила она.

Ирина вздрогнула, машинально нажав на клавишу. Взглянув на Кони, она перевела глаза на страницу, исправила ошибку и докончила предложение.

- И о нём тоже, - спокойно сказала она.

- Что-то интересное? – полюбопытствовала Кони, подавшись к ней. Ирина прикрыла крышку.

- Возможно. Не мне судить, – сдержанно сказала она.

- Я смотрю, ты в него всерьёз вцепилась, - произнесла Кони, внимательно глядя на Ирину.

- Ты о чём? – Ирина действительно не понимала.

Кони бросила перед ней какую-то газету. На одной из страниц была фотография её и Гэла Сэджвика на улице. Его оживлённое лицо и воздетые руки и её заинтересованная бледная физиономия – наверняка их засняли тогда, когда они гуляли по городу. Ещё несколько подобных снимков – ничего эдакого, однако статья называлась «Новая любовница Гэла Сэджвика?». Ирина, поморщившись, отбросила газету.

- Я не вцепилась в него. Мы просто мило общались. Сама же репортёр – знаешь, как ради тиража высосать ерунду из пальца. Какая я ему любовница? Кто он и кто я? Он во мне и женщину не видит, что меня радует.

Ирина залпом допила остатки остывшего чая и снова углубилась в ноутбук.

- Слушай, зови это, как хочешь, – проникновенно сказала Кони, положив свою ладонь на её руку. – Только мне не ври. Что ты там задумала?

Ирина высвободила руку и застучала по клавишам.

- Ничего, - буркнула она.

Кони откинулась на спинку стула. Подождав минуту, она резко встала:

- С того дня у тебя не только мозги набекрень, но и характер стал мерзкий. Ну подожди, ты ещё обо мне услышишь.

Ирина не обратила на её слова внимания, продолжая стучать по клавишам. Через некоторое время она удовлетворительно вздохнула и нажала на сохранение. Собрав вещи, она поднялась со стула.

Подойдя к тротуару, она остановилась пропустить чёрную блестящую машину. Но та неожиданно затормозила. Из передней двери вышел мужчина в костюме и обратился к Ирине:

- Мисс Айрин Таф? Или лучше вас звать Поплар? – спросил он, надменно глядя на неё. Если он хотел её напугать, о чём заподозрила Ирина, то ему это не удалось. Даже Чикаго 30-х годов было детскими играми в войнушку по сравнению с Питером 90-х. И всяких угрожающих личностей Ирина навидалась в своё время.

Поправив сумку на плече, Ирина спокойно посмотрела в его глаза:

- Смотря, кто спрашивает, - ответила она.

По лицу мужчины пробежала тень. Всё так же пренебрежительно глядя на неё, он произнёс:

- Прокатимся – узнаешь. К тебе есть предложение, которое тебя заинтересует.

- Это вряд ли, - произнесла Ирина, никак не отреагировав на смену обращения говорившего.

Она уже хотела было отойти, но мужчина крепко вцепился ей в руку и стал подталкивать к задней двери.

- Не устраивай сцен, мисс. Тебе же от этого будет хуже, - произнёс он ей в ухо, открывая дверь.

Ирина заглянула внутрь, пытаясь понять, кому она могла понадобиться, и тут же почувствовала весьма ощутимый толчок в спину. Не улететь носом вперёд и приземлиться нелепой позе на колени в неизвестного мужчине, Ирине помогла реакция: она мгновенно вцепилась в стойки двери, загородив собой проход. Мужчина внутри сделал приглашающий жест.

- Пожалуйста, располагайтесь. Будьте моей гостьей, - произнёс он.

- В гости, между прочим, по доброй воле ходят, а не силком тягают, - проворчала Ирина по-русски. Мужчина слегка приподнял левую бровь. Ирина махнула рукой: русский бы сразу понял и ответил бы соответственно фразой из классического фильма «Место встречи изменить нельзя». Но это Америка. Да и русского тут не понимают.

Поколебавшись, не обращая внимания на давление рук стоявшего сзади мужчины, Ирина оттолкнулась от стоек двери и невозмутимо села, поставив сумку на колени.

- Что вы там сказали? – спросил мужчина, когда дверь за ней захлопнулась. Ирина повторила на английском.

Мужчина слегка улыбнулся.

- Приглашать к себе в гости и ожидать ответа от всякого писаки из жёлтой прессы – вы не находите, что это слишком? – Он посмотрел на Ирину. – С такими, как вы – какие церемонии? Вы раздражающий, но иногда полезный элемент, неизбежное зло.

Ирина усмехнулась.

- Вы преувеличиваете. Я вообще никто.

Она помолчала, глядя на мужчину рядом. Полноватый, лет 50-и, седина на редеющих волосах, дорогой серый костюм, часы на кожаном ремешке, блестящие туфли – Ирина не предполагала, кто бы это мог быть и зачем она понадобилась. Стёкла в машине были тонированными, а сама она ехала весьма быстро. Но вся эта ситуация почему-то не вызывала у Ирины тревоги.

- Зачем я вам понадобилась? – спокойно спросила она.

- Странная вы женщина, - произнёс мужчина, полуоборачиваясь к ней. – Вас запихивают в машину посреди улицы, а вы не только не зовёте полицию, даже не испугались. Или, всё же, вам страшно? – Он наклонился к ней. На Ирину пахнуло запахом дорогого одеколона. Ирина поморщилась.

- Вы не дракон огнедышащий, чтобы вас бояться, - ответила она.

- А вам не приходило в голову, что я могу вас просто прирезать и выкинуть где-нибудь за городом? – Мужчина изучающее разглядывал её лицо.

Ирина пожала плечами.

- Если бы вы хотели меня убить, то не вели бы этот разговор. К тому же, «есть только миг между прошлым и будущим, и именно он называется жизнь», - процитировала она, вызвав недоумение на лице собеседника. – А будущее никому не известно.

- Вы странная женщина, - повторил мужчина, откидываясь на спинку кресла. – Вы мне совершенно непонятны. Но оставим это. – Он снова повернулся к ней. – Я продюсер Гэла Сэджвика, с которым вы так сблизились за эти несколько дней. И мне это сближение не нравится.

- И что же? – спросила Ирина.

- Вам не интересно, почему мне это не нравится? – удивился мужчина.

- Нет. – Ирина снова пожала плечами. – Вам же не интересно, что мне не нравится наш разговор и способ, который вы выбрали, чтобы его затеять. Я жду, что вы скажете, чего хотите от меня.

Мужчина помолчал, глядя вперёд.

- Я хочу, чтобы ты отстала от него. У него много работы. Ты его отвлекаешь. Не говоря о том, что такая реклама в жёлтой прессе ему совершенно не нужна. Это лишнее.

Ирина удивилась, проигнорировав резкую перемену в обращении говорившего.

- А как же «лучше плохая реклама, чем полное молчание»? И чем это я отвлекаю?

- Ты вбиваешь в его голову дурацкие идеи, от которых страдает его работа.

- Вот как?

- Ведь это ты подбивала его бросить всё и уехать к дочери?

- И что же?

- А то, - раздражённо бросил мужчина. – Он прерывает съёмки и едет к Хизер Лавкрафт. Ты понимаешь, что это значит?

Ирина улыбнулась.

- Это значит, что он придёт в себя, успокоится, наберётся сил и будет жить.

- Дура! – взорвался мужчина. – Его куча народу будет ждать! Будет простаивать техника! А я потеряю деньги!

Ирина повернулась к нему.

- А если вы не оставите его в покое хоть не надолго, вы потеряете его самого.

Мужчина с подозрением посмотрел на Ирину.

- На кого ты работаешь?

- Что? – Ирина была искренне удивлена. Она правильно поняла вопрос, и он её позабавил. – Вы хотите знать, кто хочет вас разорить? Почём я знаю. Я в вашей кухне не разбираюсь и в подводных течениях не ориентируюсь. Я просто хочу, чтобы гениальный актёр жил. Вы же его заездили – он еле живой.

Мужчина недоумённо хлопал глазами, выслушивал метафоры Ирины. А она хотела задушить его тут же, на месте. Этому непробиваемому прагматику были важны только деньги. На человека ему плевать.

- Это всё глупости. Ты встретишься с ним сегодня и скажешь, чтобы он никуда не ехал. Тебя он послушает.

- Нет.

- Что? – Мужчина, казалось, был удивлён.

- Я сказала нет, - повторила Ирина.

- Да знаешь ли ты, писака, что я могу сделать так, что ни одна газета, ни один журнал, даже самый жёлтый не возьмутся тебя печатать?

- Сделайте милость, - ответила Ирина, безразлично. – Если это доставит вам удовольствие и потешит ваше тщеславие. Меня это волнует мало. Главное, Гэл Сэджвик будет жить.

- Да что ты заладила «будет жить», «будет жить»? Он не собирается умирать: он молод, его карьера на подъёме, деньги дождём сыпятся, а красивые женщины мечтают оказаться в его постели – только выбирай.

- Вот и замечательно, - произнесла Ирина.

- Значит, ты не хочешь его остановить? – спросил мужчина, повернувшись к ней.

- И не собираюсь. – Ирина намеренно не смотрела на него.

- Ну смотри. Я тебя предупредил. – Он сел прямо и махнул рукой. Машина мягко остановилась.

- Премного благодарна, - съязвила Ирина, добившись очередного удивлённого взгляда.

Она открыла дверцу и вышла.

- Готовь картонную коробку, - донеслось из машины. – Тебе скоро негде и не на что будет жить.

- Спасибо за заботу, - бросила Ирина, с силой захлопнув дверцу.

Машина, рыкнув мотором и выпустив облако выхлопных газов, умчалась, оставив Ирину посреди улицы. Оглядевшись, она усмехнулась: окраина города, недостроенные здания, ржавое железо торчит из земли – нечто подобное случается и в Москве, промзона – она везде промзона.

Поправив сумку на плече, Ирина пошла по дороге в ту сторону, куда уехала машина.

Гэл Сэджвик проснулся от того, что его яростно тормошила Синтия.

- Какого чёрта ты спишь? Тебе собираться надо! – кричала она, суя ему под нос стакан с апельсиновым соком.

- Что мне надо – я сам знаю, - ответил он, принимая стакан. Сделав пару глотков, он поморщился: сок слегка горчил. Синтия стояла, уперев руки в бока и сверкая глазами. Гэл Сэджвик допил сок и поплёлся в ванную.

- Он сам знает, - злобно шипела Синтия, яростно бросая упаковки из-под таблеток в мусор. – Ничего ты не знаешь. А я знаю, что тебе надо. И сама всё сделаю, даже если ты будешь упираться.

Она бросилась к шкафу и стала выбрасывать из него на кровать свою одежду. Затем она перебирала выбранные вещи, прикладывая к себе и вертясь у зеркала.

Через некоторое время Гэл Сэджвик вышел из ванной и неторопливо прошёл в свою комнату.

- Завтра я еду в Кентукки, - будничным тоном сказал он, проходя мимо двери комнаты, где Синтия наносила макияж.

- Куда? – Синтия вскочила. – Кентукки? Зачем? – Она бросилась к нему.

- Я хочу увидеть Саманту, - произнёс актёр, натягивая джинсы.

- Ты бывшую свою хочешь видеть! – закричала Синтия, вбегая к нему в комнату. – Я чувствовала, что к этому всё идёт! Ты постоянно врёшь мне! – Она зашлась в рыданиях.

Гэл Сэджик схватил её за плечи и встряхнул

- Я еду к дочери. Я не видел её несколько месяцев. Я даже не знаю, помнит ли она меня ещё.

Он отпустил её и продолжил одеваться.

- Сегодня я встречаюсь с продюсером, а вечером буду собираться. Потом мне надо будет уйти ненадолго.

- Куда уйти? – Рыдать Синтия перестала, но слёзы текли по её щекам, размывая нанесённый макияж. – Опять по своим шлюхам? Мне всё известно! – Она снова перешла на крик. – Ты трахаешься с той репортёршей!

- Не говори глупостей, - отмахнулся он. – Она меня не интересует.

- Ты врёшь! Врёшь! Врёшь! – закричала Синтия, и выскочила из комнаты.

Гэл Сэджвик потёр лоб. Его странно потряхивало, и мысли в голове были как будто вялыми и скакали с одного на другое. Застёгивая часы на руке, он взял ключи и вышел за дверь, не слушая истерических криков Синтии.

Встреча с продюсером прошла бурно. Эмоции настолько плескались через край, что один из помощников впихнул в актёра несколько каких-то капсул, чтобы он успокоился, поскольку, то ли от выяснения отношений, то ли по какой-либо другой причине, но он вдруг почувствовал себя настолько плохо, что вынужден был просидеть какое-то время в кресле, чтобы прийти в себя. Оклемавшись, он отправился в парк, где в относительной тишине наслаждался покоем, наблюдая за полётом птиц над заливом. Умиротворённый, он вернулся к себе, всё ещё чувствуя странный дискомфорт в теле. Синтия была подозрительно спокойна. Она предложила помириться и отметить это в ресторане. Гэл Сэджвик, удивлённо, согласился.

Они провели чудесный вечер, без упрёков и припоминания старых обид. Он шутил, а Синтия весело смеялась, демонстрируя безупречные зубы и аппетитную грудь. Спонтанный секс не дал ему собрать вещи, и после постельных утех он засобирался к себе в номер. Обиженная Синтия в одном пеньюаре, надетом на голое тело, поднесла ему бокал вина в дверях. Долгий

поцелуй, обмен банальными фразами на пороге, и Гэл Сэджвик ушёл.

- Уедешь ты к своей бывшей, как же, - удовлетворённо произнесла Синтия, выкидывая в мусор упаковку из-под снотворного. – Проспишь, а потом я ещё что-нибудь придумаю.

Налив новый бокал вина, она залезла с ногами на кровать и щёлкнула пультом.

А Гэл Сэджвик, добравшись до своего номера, успел только снять куртку и рубашку, как его сморил тревожный сон. И, не раздеваясь дальше, он упал на наполовину расстеленную кровать.

Всё утро Ирина была как на иголках: сегодняшний день, как она помнила, был днём смерти Гэла Сэдвика. Её терзали разные мысли, не давая сосредоточиться на чём-то одном. И, наскоро перекусив, она поспешила к отелю «Манхэттен», чтобы знать точно, что могло бы произойти.

У отеля ажиотажа не наблюдалось, и это немного успокоило Ирину. Она попросила надменного портье, который, казалось, служил не в американской гостинице, а в Букингемском дворце, позвонить в номер актёра. Но тот презрительно отвечал отказом навязчивой посетительнице в потрёпанных джинсах. Ирина решила сесть в холле и подождать, когда он выйдет.

И вдруг через пару часов поднялась суета. Ещё через несколько минут, завывая, подъехала полицейская машина, обгоняя машину с красным крестом. Суетливые люди встревожено допрашивали персонал и переговаривались между собой. Ирина услышала слова «умер», «молодой» и «наркотики». Сердце у неё упало: Гэл Сэджвик всё-таки умер, она не смогла его спасти…

Слёзы потекли по её щекам. Она ждала, пока полиция проверит свои гипотезы, когда спустят тело вниз – она должна это увидеть, чтобы осознать и поверить. Она ждала, не скрывая слёз и не слушая разговоров окружающих. А когда она увидела, что люди в зелёной одежде вывозят носилки с телом, закрытым целиком белой простынёй, она и вовсе потеряла голову. Вид рыдающей Синтии настолько взбесил её, что, нагнав всю скорбную кавалькаду у выхода, она резко развернула девушку к себе и, не скрывая злости, выкрикнула е й в лицо:

- Это ты убила его!

На неё обернулись люди, а в пугающе светлых глазах Синтии мелькнуло что-то, чего Ирина, ослеплённая яростью, не поняла.

- Ты – эгоистичная стерва! Убийца! Ты не могла смириться, что свою дочь он любит больше тебя!

- Уберите эту сумасшедшую! – закричала Синтия, указывая на неё пальцем. – Она буйная психопатка! Она хочет убить меня!

Дюжие полицейские стали оттеснять набежавших зевак, а пара медиков подхватила Ирину под руки и куда-то потащила. Но Ирина с неожиданной даже для себя силой вырвалась от них и подскочила к Синтии.

- Будь ты проклята! – заорала она и смачно плюнула ей в лицо. Затем, быстро развернувшись, она пошла, не видя куда из-за слёз, заливавших их глаза. Она не видела, что её ударило, как и не почувствовала самого удара. Просто всё окружающее перестало вдруг существовать, а она погрузилась в небытие, где нет времени, пространства, цвета, звуков, радости и боли. Крупные капли вдруг начавшегося дождя падали на её распростёртое на проезжей части тело, ошеломлённого водителя маленького фургончика, сбившего её, носилки с прикрытым телом и толпу зевак, глазеющих на всё это. Судьба взяла своё: Гэл Сэджвик умер в тот день, в который был должен.

Раздражающий писк разбудил Ирину. Открыв глаза, она не поняла, где находится: светлые стены без украшений, потолок с галогеновыми лампами. Повернув голову, она увидела рядом с собой пару стандартных железных кроватей с белым постельным бельём. Она ничего не понимала. Подняв руку, она заметила катетер с трубкой, которая вела к капельнице. Похоже, она была в больнице.

Вошедший врач средних лет слегка улыбнулся, встретив её взгляд.

- Видимо, вы недоумеваете, где вы и почему здесь? – спросил он.

- Как я сюда попала, - хрипло спросила Ирина. В первый момент она не поняла, что общаются они на русском.

- Вас доставили на «скорой». Сначала вас поместили в областную больницу, но ваша мать настояла на вашем переводе в Москву.

- Что случилось?

- Вы оступились в темноте и сильно приложились к валуну, когда падали. Опасно ходить ночами по деревне – вы неделю были в коме.

Вот так просто? - промелькнуло у Ирины в голове. Она просто расшибла голову? А Агата? Нью-Йорк? Гэл Сэджвик? Этого ничего не было? Ей это приснилось? Или… было?

Она открыла было рот, чтобы что-то спросить, но вошедшая медсестра с кюветой смешала ей все мысли.

- Агата? - спроси Ирина. – Вы здесь работаете? А как же ваш дом в деревне?

Женщина недоумённо уставилась на неё. Врач попеременно посматривал на обеих.

- Это Галина, наша медсестра. А никакая не Агата.

- У меня никогда не было дома в деревне. У мужа – да. И то мы его недавно продали. – Женщина настороженно смотрела на Ирину. – Вы вообще нас напугали: так долго быть без сознания. Мы опасались, что вы не выйдете из комы.

Ирина молчала. Значит, всё это был сон? Кома? И она не попадала в Нью-Йорк 2008 года, пытаясь спасти от смерти гениального актёра?

Она закрыла глаза. А врач и медсестра, проделав свои манипуляции, вскоре вышли, оставив её предаваться мрачным мыслям. Чёрт возьми, а ведь так было похоже на реальность!

Через несколько недель Ирина поправилась настолько, что ей позволили принести ноутбук. Зайдя внутрь, она нашла все свои вкладки на своих местах. Те же статьи о смерти актёра, фотографии, подборки его фильмов. Ирина откинулась на подушки. Если она не была с ним в реальности, то зачем он её преследовал всё это время в её подсознании? Почему ей привиделось, что она пыталась его спасти? Что её подсознание хотело ей сказать?

Открыв вордовскую страницу, она начала стучать по клавишам:

«Гэл Сэджвик, известный канадский актёр. Родился в семье актрисы и бухгалтера в провинциальном городе на юго-востоке Канады…»

Она снова откинулась на подушки, глядя в окно. На ум ей пришла песня:

Жизнь идёт где-то за стеною,

А ты в плену пустоты.

О, как жаль, но всему виною

Мечты, мечты, мечты…[5]

Тряхнув головой, она склонилась над ноутбуком, на котором появился заголовок «Наваждение», и её тонкие пальцы снова застучали по клавиатуре. Возможно, если она изложит всё, что ей привиделось, она поймёт, зачем ей было послано это видение? Её пальцы быстро запорхали, сплетая в невероятное повествование слова и фразы. Она поймёт. Она должна понять…

[1] Текст песни группы «Ария» и «Кипелов», музыка С. Маврин, слова М. Пушкина.

[2] Текст песни «Сальери и его отражение» группы «Кипелов», слова А. Пушкина, М. Карре, Э. Кормон, музыка В. Молчанов, Ж. Бизе, В Кипелов.

[3] Текст песни «Кровь за кровь» группы «Ария», слова М. Пушкина, музыка В. Дубинин, В. Холстинин.

[4] Текст песни «Закат» группы «Ария», слова М. Пушкина, музыка В. Кипелов.

[5] Текст песни «Мечты» группы «Ария», слова А. Елин, музыка В. Кипелов.